

Галина Лущинская

С Ы Н

Илья Базарсад, или История мгновения длиною в жизнь

Галина Викторовна Лущинская
Сын. Илья Базарсад,
или История мгновения
длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141171

ISBN 9785448380235

Аннотация

«СЫН» – книга о блистательном и талантливом человеке, настоящем герое нашего времени. О многогранной личности, испытывающей и творческие муки, и нелегкие периоды поисков смыслов жизни и своего места во Вселенной. О любимце женщин. О бизнесмене. Эта книга о том, как возле харизматичной личности концентрируется черная зависть и корысть ущербных мира сего. Эта книга обо всем, чем во веки веков живет человек. Об ИЛЬЕ – живом и жизнерадостном, ярком и талантливым, о любимом.

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	71
ЧАСТЬ 2	77
Глава 1	77
Глава 2	84
Глава 3	92
Глава 4	103
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Сын
Илья Базарсад, или
История мгновения
длиною в жизнь

Галина Викторовна
Лущинская

Дизайнер обложки Сергей Владимирович Яковлев

© Галина Викторовна Лущинская, 2017

© Сергей Владимирович Яковлев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8023-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

«Убит 34-летний известный предприниматель из Петербурга, совладелец ООО «Сизйчэм» и «Коллекшин-Хаус», генеральный директор компании «Меланж Групп», бизнес-консультант, в прошлом генеральный директор консалтинговой компании «МВД-групп» и «МСА», бизнес-тренер; организатор и арт-директор выставок известных и подающих надежды живописцев на Украине, создатель «Шоу Динозавров» Ильи Базарсада» в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Баку, Самаре ... – убит Илья Базарсад. Московские следователи и полицейские раскрыли зверское убийство. Тело молодого мужчины было найдено в одном из столичных парков...»
(Интерфакс, NEWSru.com, MKRU, БЕЗФОРМАТА.RU, Московский Комсомолец, NewsRbk.Ru, Украина Криминальная... ТВ-канал Россия, НТВ...)

*Жизнь и смерть начинается со звука и воздуха...
Так же начинается книга.*

Глава 1

*Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой*

Слепит мне очи он.

*Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!..
(Е. Баратынский)*

Все началось с рождения: небеса разверзлись, и в жизнь на планету Земля вкатился маленький беззащитный комочек самой любимой на свете сущности.

Женщины всех времен и народов прекрасно знают, как рождаются дети, но каждый раз – это чудесная новость.

Появился Илья или Илюшенька – это маленькое трогательное создание, несмотря на мой преогромный живот (как оказалось, там просто бытийствовал океан воды) весило всего 2 кг 700 г. Ни тогда, ни потом, ни сейчас любимее, дороже, роднее нет ничего у меня.

Надо отметить некую особенность, некую отличность этого мальчика от других младенцев. Появление таких детей до сих пор в некоторых этносах принимается за что-то из ряда вон выходящее.

Его мама, то есть я, русская, а папа – монгол, причем оба – типически и на ментальном уровне, и внешне – весьма яркие представители своих национальностей.

Оба также числились не на последнем месте в списке проявлений яркости, самобытности и силы характеров, завид-

ной с точки зрения эмоциональности, мощной энергии, дарящей бурный темперамент каждому. Яркая индивидуальность, одаренность немалыми талантами, а также дерзость и амбиции молодых организмов – все тут присутствовало.

И поэтому каждый достиг своего определенного уровня осмысления жизни и положения в обществе. Кстати, общества у нас разные: Базарсадын Жаргалсайхан (так зовут отца Ильи) – в Монголии, и там он знаменитая личность – государственный деятель, потом – министр, баллотировавшийся на пост президента, организатор и лидер республиканской партии, а также известный бизнесмен: фабрика у него, производящая высококлассную, люксовую продукцию из кашемира; а я – в России.

Мальчику дали имя ИЛЬЯ, как бы намекая на Илью Ефимовича Репина, – так решил мой родной брат, архитектор и художник, а я и бабушка Илюшеньки Капитолина Аверьяновна, моя мать, не возражали: пусть будет художником, тем более, по мужской линии в моей семье – это почти семейная традиция. Поэтому тяга к прекрасному во всех его проявлениях, которую только что появившийся мальчик пронес через всю свою мгновенную жизнь, родилась вместе с ним.

А между тем, за окном, радостно сверкая своими всепроникающими веселыми лучами и лучиками, уютно расположилось весеннее солнце. Наслаждаясь ярким светом и первыми весенними деньками, проснулась природа, восторженно-наивно открытая всему новому и прекрасному.

За окном пробудилось утро 15 марта 1981 года. Воскресенье. Это было незабываемое утро. Палату роддома заливал солнечный свет, не оставляющий ни капельки надежды спрятаться или утаиться хотя бы какой-то тьме или нечисти. Все вокруг, как момент истины, сверкало и блестело чистой.

И в 11 часов 05 минут раздался самый любимый и самый долгожданный, родной и желанный, самый главный крик в моей жизни. Так заявил о себе новый человек. И в ту же секунду с криком новорожденного младенца сконцентрировалось еще одно маленькое Солнышко. Солнышко по имени Илья. А как иначе. Не могло же большое Солнце породить Тьму. Природа, как и я, была счастлива. Мы были счастливы: открытые всему миру и любящие его безоговорочно.

А младенец поцелован Богом в макушечку. Я, мать, чувствовала, я ощущала всеми фибрами своей души это легкое Божественное прикосновение.

«Солнышко мое Илюшенька», – твердила я, очарованная и собранная в одно только и имеющее суть бытия чувство – чувство материнской любви.

«Солнышко мое Илюшенька», – твердила я, не умеющая еще без трепета справиться со своими новыми, волнами накатывающими, этими материнскими чувствами. Мне непременно и непосредственно тут же и сейчас страстно хотелось этот маленький комочек, родной и беспомощный, с чистым легким дыханием, защитить, оградить от всех бед и пропа-

стей. И, конечно, я, как одержимая, прижимала его к груди, я его вдыхала, я в нем растворялась, боготворила его, я его любила... Ну что может быть дороже этого комочка в моей жизни?

Все те же женщины все тех же времен и народов веками переживали и испытывали подобные чувства. Переживают и испытывают до сих пор. Вечно. И писано об этом переписано. Читано-перечитано. Но это был мой «комочек», моя плоть, мой мальчик, мой сын, мой Илья. Мой золотой Илюшенька.

И это трогательное любимое созданыще в 49 сантиметров росточком заменило мне все. Все. И давало мне все, обогащая новыми неизведанными доселе чувствами, ощущениями, мыслями. Что такое любовь, теперь я точно знаю. Знаю, благодаря этому маленькому божественному произведению, благодаря моему сыну Илье.

На момент такого красивого рождения Ильи его бабушке, Овсянниковой Капитолине Аверьяновне, моей матери, исполнилось 45 лет. И всю свою мощную нерастраченную энергию к 45-ти годам она направила на Илью – своего первого и, как водится, самого любимого, внука.

Она была красивая женщина. Высокая, статная, сильная, в смысле характера, конечно. Породистая женщина.

Порода таких женщин всегда выделяет их из любого десятка других; ее, эту породистость, не испортишь ничем: ни тяжестью быта, ни временем, никакими житейскими пери-

петиями или, как говорится, ударами судьбы.

Роскошные темно-каштановые волосы живописно обрамляют белое, без тени смуглости, лицо, на котором замечательно выделяются большие темно-голубые, а к вечеру – совсем синие, глаза, красивые и умные. Лицо с высокими скулами выточено великолепно. Ровные ряды крепких зубов, здоровых, кстати, до ее последних дней, украшали улыбку, обезоруживая любого собеседника. Редкое лицо.

Одним словом, внешность, физика и энергетика моей матери были на редкость безупречными: здоровыми, красивыми по-настоящему и завидными, чему она, впрочем, не придавала никакого особого значения никогда.

Это принималось как данность и не более того. Сейчас уже невозможно встретить женщин такой породы, такой силы энергетики.

Но что более всего поражало и, одновременно, очаровывало в ней, так это какая-то первозданная нравственная чистота и правдивость, граничащая с прямолинейностью и не терпящая никаких компромиссов, когда они схожи с хитростью, лукавством, лестью или, уж, тем более, ложью или предательством – этого она не терпела.

Эта женщина была беспрецедентно преданной, надежной, жертвенной для своих детей, внуков, как тысяча подобных бабушек вместе взятых. Сильная, эмоциональная и удивительно артистичная, она обладала таким же сильным голосом и абсолютным слухом.

Как она пела.

Поклонники ее пения, став порой невольными слушателями, увеличивались в геометрической прогрессии. Ах, если бы она сделала это своей профессией, я уверена, ей была бы обеспечена мировая слава. Однако, и это воспринималось ею как естественная данность и не более того.

Русская женщина. Им же, русским женщинам, нужно на ноги Советскую Родину «поднимать», вечно падающую и на этих самых ногах не стоящую, трудиться надо в поте лица, забыть о себе, о своих «прихотях» и талантах, ибо бабловство все это.

Идеология Советов, как религия, если веришь, то идешь до конца преданно и верно. А уж с преданностью в любом деле с моей матерью мало кто может сравниться.

И она трудилась на благо Родины своей. Оставим за скобками тот факт, чем и как Родина ее отблагодарила за преданность и верность.

С появлением Ильи жизнь обрела для нее новый смысл, новое звучание, новую прекрасную мелодию. И ему, своему любимому Илюшеньке, лучшему, что только могло быть в ее жизни, теперь она была предана и верна бесконечно, готовая пожертвовать собой ради него в любую секунду своей жизни.

Она тоже была счастлива, благодаря ему.

Эмоциональная, страстная, и, как я отметила, артистичная натура, бабушка Ильи между тем умела так «завернуть» словцо, так по-актерски талантливо и с юмором его препод-

нести, что, я уверена, экспрессия множества артистов с мировыми именами, блистающих на киноэкранах и сцене, резко поблекла бы по сравнению с уровнем накала и выразительности ее экспрессии.

Этот дар, кстати, унаследовал и любименький ею внук. Илью она любила самозабвенно, то есть, больше своей, да и всех других жизней на земле. Илья был для нее Богом. Бог есть, если есть Илья. Вот что этот мальчик для нее значил. Он был судьбоносным подарком от Большого Бога. Подарком Вселенной.

В такой атмосфере абсолютной любви и обожания родился и рос ребенок по имени Илья. А как иначе?

И, конечно, на протяжении всей своей земной жизни он был, и не мог не быть – он остается любимцем не только для нас, но и многих других женщин, когда-либо с ним соприкасавшихся.

Глава 2

Иду в молочную кухню. Молочные кухни 80-х годов прошлого столетия, если кто помнит – это просто гастрономический рай для нежных желудочков младенцев. Никто не сомневался в качестве и, как сейчас говорят, экологичности, этих продуктов. Это так и было. Молочко, творожок, кефир, сливки... – все натуральное и вкусное. Мы с Ильей также были участниками этой гастрономической необходимости.

– Привет, Галочка, – издали выкрикивает Рита, моя одноклассница, встретившаяся по пути.

– Привет, Рит. Куда спешишь? Так рано?

– Ой, Галя, сегодня будут импортные босоножки, такие, знаешь, на гейше, о которых я мечтала, я говорила, помнишь? – надо сказать, что Ритина мама работала товароведом в промтоварном магазине. И это в те времена очень многое объясняло, а именно: такие босоножки просто так невозможно было купить, если не было блата, то есть, выгодных связей. Я ей молча позавидовала. Одеваться модно и красиво было моей любимой страстью. Впрочем, кто этим «не страдает», тем более, в молодости?

– Рита, мне нужно поторопиться в молочку, пока Илюшенька с бабушкой еще спят.

– Кстати, как там наш вундеркинд развивается? Также посылает всем красивые улыбочки... – если бы она знала, как

права насчет вундеркинда, подумала я, но промолчала.

– Знаешь, Галь, а ведь дети сами выбирают себе родителей еще там, на небесах, когда они только ангелы, желающие спуститься на землю. Это я недавно где-то прочитала. При том, что не у каждого ангела получается: нелегко пробраться на Землю.

И я тотчас же красочно представила себе, как мой Ангел-Илюшенька примечает меня на дискотеке, где я – блондинка с длинными вьющимися по плечам волосами, совсем юная студентка филологического факультета, красивая, высокая, стройная, улыбаясь своей замечательной белозубой улыбкой, танцую под громкую музыку какие-то современные тогда танцы, ни о чем не задумываясь...

А Илья меня уже приметил.

Студенческая дискотека, которую в нашем университете организовали друзья-журналисты, создав ее на одном лишь энтузиазме, была одной из первых в городе. Это симпатичный подвальчик, оборудованный по последней тогда европейской моде, где ребята «крутили» такую же модную, но запрещенную музыку, которую и купить-то можно было тоже по благу только, как и импортную одежду (например, американские джинсы) на специальной барахолке, где фарцовщики сбывали свой товар.

Дискотека (а сейчас это бы называлось клубом) пользовалась популярностью и была новым, неким демократичным символом свободы и продвинутости. О «свободе» все гово-

рили, но четко-то и не представляли, как она должна выглядеть, это было веяние свежих ветров заманчивой неопределенности. Свобода – это значит слушать запрещенную музыку, танцевать заграничные танцы и одеваться в фирменные одежды и, прежде всего, в американские фирменные джинсы, которые ценились на вес золота.

Продвинутая и денежная (фарцовщики) молодежь до этого времени могла развлекаться только в ресторанах, которые в Советское время работали до 9 или 10 часов вечера, и которых было не так-то много, по крайней мере, приличных, и попасть-то в них вечером зачастую было можно тоже только по блату. Ну, а бедные студенты кучковались по общежитиям и свободным на время от своих родителей «хатам». По крайней мере, так было у нас, в Иркутске.

И вдруг на дискотеке появляется очень высокий (а для монгола это не очень характерно) сухощавый, одетый по последнему слову тогдашней моды, как могли одеваться только фарцовщики, молодой человек.

Все было на нем не советского производства, начиная от косыночки вокруг шеи и заканчивая джинсами и кроссовками, о которых вообще тогда мало кто слышал, тем более, видел. Этот монгольский студент был уже тогда знаменитой личностью, хотя бы потому, как он умел вести дела, понимаемые тогда лишь узкому кругу, знавших друг друга в лицо дельцов, как правило, фарцовщиков разных мастей.

Это было запрещенное дело, и они, предприимчивые

и амбициозные, таким образом, бросали вызов системе. Из них выходили впоследствии хорошие или неплохие бизнесмены.

Нужно отметить также, что в те времена в наших ВУЗах повсеместно учились иностранные студенты наравне с нами, советскими.

Жаргал, так звали этого монгола, был одним из них. Его высокомерный взгляд с прищуром и без того узких от природы глаз, выдавал в нем человека дерзкого, может быть, даже циничного, как бы понимающего, что «жизнь, как посмотришь с глубоким вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка...», но что делать, надо жить, и я знаю, как.

И он жил так, как придумал себе, следуя и соответствуя своей картине мира и сложившемуся к тому времени мировоззрению, переворачивая порой с ног на голову представления о добре и зле, о нравственности, честности, правде, лжи, о понимании значения нашего (людей) места в Космосе...

Он обладал силой личности, под влияние которой попадали практически все, кто с ним соприкасался, не исключая и меня. (Впоследствии этот дар, усиленный стократно очаровательным обаянием уже своей личности, унаследовал и наш сын Илья).

Однако в данный момент, Ангел-Илья просто выбирал себе родителей.

И вот уже я для этого Ангела иду за сливками, кефирчиком и творожком...

И он нас выбрал тогда, подумав про себя, наверно: «ничего, потянет».

Между тем, с Ритой мы распрощались, и каждый пошел своей дорогой. А я все не переставала думать, почему – нас? Почему именно нас выбрал Ангел-Илья.

Через год и один месяц после рождения сына мы с Жаргалом расстались, отчасти и в результате вынужденных обстоятельств, но по большей мере, по причинам личного характера.

Воспитанные в разных культурах, ментально несовместимые, чрезвычайно молодые и амбициозные, эмоциональные и эгоистичные, не помышлявшие даже о том, чтобы пойти на компромисс, мы не могли существовать вместе.

Тем более, визовое пребывание в иностранном государстве у Жаргала закончилось, и ему необходимо было ехать домой, несмотря на то, что наш брак официально был зарегистрирован здесь, в Иркутске.

Жаргал отправился к себе на Родину, в Монголию, а я, естественно, осталась дома, в России, порвав предусмотрительно прямо в визовой службе, по совету своей матери, готовый уже загранпаспорт, чтобы отправиться с мужем в Монголию.

Но этого не случилось.

Бабушка Ильи, уже знакомая вам Капитолина Аверьяновна, категорически и ни при каких обстоятельствах не захотела отдать нам Илью, справедливо полагая, что не дай Бог

(а вероятность этого очень высока, как мудро предчувствовала она) что случись, вернуться в Россию, домой, я смогу лишь только одна без сына, так как Монголия – малочисленное государство, и там действуют жесткие законы гражданства, и Илья был бы гражданином Монголии, и все. Сына мне бы не отдали.

Тем более, я имела дело с азиатом, с азиатом Жаргалом – жестким, сильным, жестоким даже, если дело касалось принципа, человеком в высшей степени амбициозным, деятельным и решительным, мстительным и злопамятным. Он лично бы не отдал мне никогда моего ребенка в любом случае, и это даже не из-за огромной отцовской любви вовсе.

А вот этого допустить бабушка не могла никак, и защищала свою позицию насмерть.

– Ребенка я вам не отдам, и все тут, – громко и выразительно отчетливо, как совершала она все, сказала, как отрезала, мне моя мать.

И мы с Ильей остались. Нам с ним пришлось даже некоторое время скрываться в том единственном месте, про которое Жаргал не знал: у дальних родственников в другом городе. Ни за что без нас он уезжать не хотел.

Он, конечно, нас искал. Думаю, что в те моменты переживал он не самые слабые чувства в своей жизни, их накал и переливающееся всеми оттенками психологической безысходности разнообразие были яркими настолько, что до сих пор этого он не только не забыл, но, уверена, на смертном

одре именно о них и вспомнит в первую очередь, и переживет снова и прежде всего, и во-первых – их.

Это был мощный удар по его самолюбию, оно было уязвлено, это был удар по его гордости, высокомерию и значимости.

Справедливости ради нужно отметить, что, не обладая таким сильным и жестким характером, харизмой и пытливым изобретательным умом, вряд ли бы Жаргал достиг тех высот в политике и бизнесе своей страны.

Но меня с тех пор он стал ненавидеть, как, впрочем, и мою страну. Однако, не следует все понимать линейно: как известно, от любви до ненависти – один шаг.

Позже, когда через несколько лет отношения как-то восстановились: ведь у нас общий сын Илья – оказалось, что это была не ненависть, а любовь, в азиатском, естественно, понимании смысла этого слова!

Одним словом, все случилось так.

Итак, Илья решил материализоваться в физическую форму, используя нас.

Глава 3

С самыми главными героями моей повести вы уже успели познакомиться, и вот теперь позвольте мне, дорогие читатели, представить вам еще одну из ее главных героинь: собственно – меня.

Я – мать самого-самого любимого, основного и главного человека в моей жизни, благодаря которому теперь точно знаю, что такое счастье, что такое материнская любовь, что такое гордость за кого-то, а также знаю миллионы других эмоционально-ярких оттенков всевозможных прекрасных чувств, какие только может испытывать женщина, и, наконец, что такое я сама.

Именно: «что такое», – так как, думаю, что не следует кичиться излишней одухотворенностью, и лучше исследовать себя как явление. Впрочем, как бы я ни старалась казаться объективной в оценке себя самой, вряд ли мне это удастся, но не в этом суть

Этот самый-самый любимый человек, конечно, Илюшенька. Мой сын Илья.

Итак, родилась, а потом жила-была девочка. Прехорошенькая, умненькая и всеми любимая. Ну а как иначе?

Волосики беленькие, кудрявые-кудрявые, а глаза зеленые, губки пухлые, щечки розовые – загляденье.

Дедушка из всех многочисленных своих внуков и внучек

более всего души не чаял только в ней: и привозил гостинцы и подарочки всем любимым внукам, но отдельно – Галиньке.

Да и имя – Галинька – дал ей он, дед Аверьян. Аверьян Игнатьевич Аксаев.

Очень уважаемый человек, главный в районном центре, потому что обладал недюжинным умом и рассудительностью, необходимой для того чтобы тебя слушались и почитали.

Был справедлив, и потому уважаем, и к нему приходили за советом, за судом.

А еще лучше него никто не пел песен, никто не мог петь сильнее, красивее, чувственней.

Его голос мощный и глубокий, раздавался далеко по всей округе, проникая также глубоко в душу, заставляя переживать и страдать, а, порой, и плакать вместе с героями его песенных сюжетов.

Чего стоит только: «Ревела буря, гром гремел...» или «По диким степям Забайкалья...» Талантливый, самостоятельный, трудолюбивый – крепкий хозяин, мой дед. Кулак.

Его семью, согласно нелепой традиции известного всем времени, сослали в Сибирь, раскулачив.

История. Опять история нашей Родины пишет сценарий жизни для многих семей, проникая в самое личное и сокровенное без разбора сути.

И далее – Сибирь.

Сибирский народ так высоко ценился во все времена именно потому, что состоял вот из таких крепких и самосто-

ятельных (любимое словечко моей бабушки) мужчин, настоящих хозяев жизни.

Кто, как не сибиряки стояли насмерть за Москву – столицу нашей Родины в Великую Отечественную. А как иначе? Отборные люди.

Сибиряк – это звучит гордо.

Быть самой любимой внучкой такого деда – деда Аверьяна – это, я вам скажу, как царское клеймо на золоте высочайшей пробы. Это на всю жизнь клеймо.

Необходимо соответствовать, чтобы не подвести какой-нибудь глупостью, подлостью, легкомыслием, лживостью или любой другой безнравственностью священный род.

Все творческие (и не творческие) начала ребенка питаются корнями прародителей.

Пышная крона дерева (будь то и генеалогическое древо) потому и роскошно пышная, переливающаяся и блистающая разнообразием оттенков здоровой зелени, что вскармливают ее здоровые и крепкие корни этого дерева.

Иначе, как бы мог родиться у меня такой талантливый, безгранично одаренный и тонко чувствующий этот мир сын Илья.

«Ничего не возникает ниоткуда. И ничто не уходит никуда», – говорят буддисты.

Бывает, что в лесных массивах, которые, как и люди, состоят из отдельных деревьев, встречаются чахлые, ущербные и гнилые особи – такие наносят непоправимый вред пре-

красному окружающему, они должны переродиться, чтобы не распространять заразу.

Однако, это – тема другой повести.

Конечно, я была избалованным ребенком. Но разве можно испортить дитя беззаветной и абсолютной любовью, и разве может быть, как говорится, любви много?

Дитя было весьма смышленное, что позволило этой девочке в школе быть одной из первых учениц. Любила она заучивать и декламировать стихи, поэтому всегда на всех праздничных мероприятиях учительница выдвигала ее на сцену. Сцена ей была по нраву.

На ней же эта девочка выступала с танцами, а танцевать она любила еще больше, и ее здесь тоже выделяли. В общем, петь, танцевать, читать стихи – было ее любимым делом.

Она мечтала стать балериной. О, как она этого хотела. Но пришлось удовлетвориться кружком по художественной гимнастике и хореографией русских народных танцев во Дворце Пионеров в своем городе, ибо никто в Ленинград в балетное училище ее бы и не отпустил.

– Какая-то ты несерьезная! Взрослая ведь уже, а не понимаешь. Вот придумала: жить одной в интернате, да и примут ли тебя. Выучишься, закончишь школу, а там будешь выбирать, чем заняться в жизни, – наверно, так или приблизительно так однажды сказала мне мать. А я запомнила. Но и свое желание не забывала тоже.

– Там только беспризорные девочки учатся, Галинька,

и что толку-то, ноги задираешь, разве этим накормишь семью, деток своих, – успокаивала меня моя практичная бабушка, справедливо полагая, что это просто мне блажь какая-то в голову залетела. Так она про Ленинградское хореографическое училище имени А. Я. Вагановой, между прочим, говорила. (Сейчас это Академия русского балета имени А. Я. Вагановой в Санкт-Петербурге).

Мне было 10 лет. Родители не проявили психологической тонкости к формирующейся личности ребенка, к наклонностям и способностям его, а, главное, к желанию девочки.

Впрочем, может быть, наоборот: жалели, оберегали, хотя, конечно, весьма оригинальным образом. В общем, не хотели от себя отпускать: мало ли что. А ребенок не сумел продемонстрировать силу характера и решимость.

Если короче: я не стала балериной. Моя жизнь, строго говоря, могла проигрываться по весьма разным, а порой, противоречащим друг другу сценариям и далее, но каждый раз выбор того или иного варианта зависел от близких людей, и лишь во вторую очередь – от меня самой.

Так случилось со мной на протяжении довольно долгих лет. Я зависела от родителей, от учителей, от мужа, от подруг... И это несмотря на то, что всегда слыла независимой.

Что же тогда собой представляет жизнь других, более покладистых? Интересно? Страх оказаться отринутым...

Человеком в любой, тем более, судьбоносной ситуации,

когда необходимо сделать выбор, руководят только страхи.

И только потом, когда устанавливается мировоззрение и некое психическое равновесие, мнение окружающих не принимается в расчет (или кажется, что не принимается!).

Зависимые и обусловленные мы существа – люди. Вид наш – вид людей, как ни крути, мелок, зависим и обусловлен, а порой – жалок.

Наше значение в масштабах Вселенной минимальное.

Отдельные только, весьма немногочисленные личности-сущности выбиваются по определению (или предопределению) из общего ряда.

И это потому, что любой страх можно нейтрализовать Любовью. (Слово, конечно, избитое и даже затасканное, но если прочувствовать его глубокую суть, то только оно и подойдет).

Безусловная Любовь, подаренная таким людям свыше, творит «чудеса», как бы высокопарно это не звучало, но в этом суть вещей.

Безусловная Любовь. Другой любви не бывает. Все другое, как бы похожее, – от лукавого. Не любовь вовсе.

Вот эти два краеугольных камня: страх и любовь вековоечно определяют нашу человеческую жизнь. Собственно, в жизни только эти значения: страх и любовь – нужно осмыслить, а потом сделать выбор: быть свободным, в смысле осознанной необходимости, и масштабно мыслящим человеком или присмыкающимся, управляемым страхами любых по-

теперь. Но кто это понимает?

Да и свыше каждому отмерено свое. Поэтому я всегда говорю, что главное в жизни – самоисследование, самопознание, чтобы прийти к сути своего предназначения. Но что я сама тогда понимала?

– Все. Хорош философствовать, – сказал бы мой сын Илья.

Так или иначе, окончив среднюю школу, я поступила на филологический факультет Иркутского государственного университета и благополучно его закончила.

Внешность моя с тех детских пор продолжала демонстрировать расцвет здоровой и красивой, но уже юности.

Я являла собой высокую, стройную, очаровательную, одухотворенную и, естественно, привлекательную девушку, но с достаточно эгоцентричным характером.

Тем не менее, девушка была не без способностей и подавала некоторые надежды на то, чтобы заняться писательским трудом, или стать актрисой, точнее, киноактрисой – «а кем же еще», – как думали некоторые мои одноклассницы-подруги.

Но я стала преподавать русский язык и литературу в средней школе детям.

Однако, скажу вам по секрету, очень сильные желания и мечты, которые вы переживаете в детстве, затем, не осуществившись явно, все-таки вас преследуют и просто ходят за вами по пятам. Оглянитесь. Обратите на них внимание,

вспомните о них.

Я оглянулась, и оказалась ведущей программ на телевидении. А это тоже было моим желанием, моей голубой мечтой.

Мне казалась заманчивой и интригующей жизнь по ту сторону экрана. Это был сказочный и волшебный мир ярких красок, событий, всего нового и красивого в моем детском воображении. Но кто спорит: в детстве все волшебно и сказочно.

Реальность взрослости окрашена в другие цвета.

Впрочем, у меня была своя программа на телевидении, которая называлась: «Души прекрасные порывы...»

«Души прекрасные порывы...» – И тут же мой оператор Миша Байбородин, смеясь, цинично вопрошал: «Галина, «души» – это от глагола...? – ну что ж, тогда – вперед. Поехали за «жертвами».

Однако, отодвинув шутки в сторону, можно констатировать, что эта программа (по своему определению) позволила мне познакомиться с известными творческими людьми: поэтами, писателями, художниками, артистами, бизнесменами, а сибирская земля, как известно, богата талантами – они являлись героями моих передач, сюжетов, фильмов, интервью.

Снискавший мировую известность Е. А. Евтушенко, пожалуй, самый знаменитый из них.

Есть мой документальный фильм о нем, снятый в один из его приездов в Зиму.

Однажды в одно прекрасное весеннее утро в мой каби-

нет заходит большая женщина с большими бездонными очами цвета индиго. Полная, сочная, статная, очень высокая и очень красивая, пышущая здоровьем и энергией, разливающиеся волны этой густой энергии ощущались почти физически, как бы касаясь кожи. Глубокие и необыкновенно синие глаза этой женщины подчеркивали выразительность яркого образа. Ее низкий хорошо поставленный голос произнес:

– Здравствуйте, Галина.

– Добрый день, – конечно, ответила я.

Великолепная женщина кладет на мой стол сборник стихов. Своих стихов. Это был очередной сборник стихов известной и талантливой, как оказалось, сибирской поэтессы (лучше – поэта) Татьяны Назаровой.

До этого мы с ней не были знакомы, разве что, пару раз встречались на каких-то мероприятиях и все.

Но не заметить ее и не запомнить было невозможно, тем более, однажды я слышала, почти случайно, как она читала свои стихи на одной из встреч со своими читателями и поклонниками в городской библиотеке, а мы только что закончили там съемку какого-то другого сюжета или, напротив, обсуждали с кем-то предстоящее интервью.

Магия телеэкрана совершает свое волшебное действие, умело завораживая, стимулируя воображение зрителей, манипулируя их сознанием – легко. И тут, открывая сборник, я читаю мне посвященное ею написанное стихотворение,

ВОТ ОНО:

Королева экрана,
Незажившая рана
Вашей нежной улыбки
На душе у меня.
Королева экрана,
Мы близки, как ни странно,
Хоть и не были вместе
Ни единого дня.

Каждый вечер с надеждой
Я спешу к своей тайне
В холостяцкую келью,
В мир заброшенных грез.
Вы в прекрасных одеждах
На волшебном экране
Улыбаетесь людям
И грустите всерьез.

Как же хочется мне
Вам в ответ улыбаться,
Вас любить и лелеять,
Защищая от бед.
Гаснет синий экран,
И пора нам прощаться,
Но не гаснет в душе
Вашей прелести свет.

(Татьяна Назарова)

«Весьма оригинально, – подумала я тогда, – вот так легко можно снискать виртуальную любовь и популярность».

Нет, стихи мне, конечно, и раньше посвящали, но это были стихи от мужчин-поэтов все-таки, а тут... Хотя, вдохновленный моим появлением на телеэкране образ героини стихотворения очень приятен. Это были 90-е годы ближе к концу века, интернет еще не был так повсеместно распространен, вообще не был распространен.

Но я бегу домой, к моим маленьким детям, которые во мне нуждаются и любят меня не за экранный образ, а просто потому, что это я, и я в них души не чаю.

Илья и Маргарита – мои дети. Мой сын и моя дочь. Так случилось, что бог меня выделил, чтобы стать счастливой матерью. Сейчас я это утверждаю, потому что всему на свете и всем на свете интересным людям я предпочту общение с моими детьми, я прислушаюсь и спрошу совета в самую первую очередь у своего сына или дочери, и это мне, а главное, и им, сыну и дочери, доставляет настоящее удовольствие, радость.

Им интересно со мной тоже – и это то единственное, что только и может оправдать, по-моему, звание родителя.

Ни какое не чувство сыновнего или дочернего долга, а настоящее желание быть рядом, дорожить мнением друг друга, притягиваться не по долгу, а потому что личность матери

осознанна и интересна, и гармонирует с уровнем развития, интеллекта, эрудированности своих детей, обогащая таким образом друг друга духовно.

Для этого необходимо заботиться о том, чтобы быть достойной своих детей. Это единственное предназначение родителей, единственная их задача.

Этот благословенный наш триумвират – самый совершенный в мире. И он непоколебим, потому что объединен родством на всех уровнях, а именно: кровным родством, душевным, духовным.

Мы одинаково осмысливаем жизнь, суть существования или бытия. Нас объединяет принципиальный подход к вопросам искусства (и литературы), а также абсолютное понимание и чувствование друг друга, но Илья в этом смысле, да и во всех смыслах – наш ведущий, а мы с Маргаритой, как правило, внимаем ему, порой раскрыв рот, в очередной стотысячный раз удивляясь и убеждаясь в его неординарности и уникальности, в наличии у него пророческого дара, в его умении завораживать своим масштабом мышления и его умении так тонко чувствовать и понимать суть вещей.

И то еще нас объединяет, конечно, что потрясающий юмор Ильи – верх любого притяжения – искрится бесконечно, и поэтому наши встречи проходят весело, мы громко и искренне смеемся, и нам это нравится...

И не хочется расставаться, потому что не так уж часты эти встречи, когда мы втроем. И все-таки нужно прощаться.

Как выяснилось, ничего более важного, более существенного и лучшего в этом мире нет и быть не может. И нет большего счастья и большей радости ни в чем, ни с кем, н и к о г д а...

Глава 4

*Все тленно, что живет, все минет без следа —
так мыслят мудрецы и плачут одиноко.
Напрасный, ложный бред! Что близко? Что
далеко?*

*Сегодня иль вчера? Иль давние года?
Что время? Призрак, сон, возможность иногда
измерить памятью непостижимость рока.
Бытье вне времени. У жизни нет истока.
Бесследное для нас живет всегда, всегда.
Мгновенье вечное над безднами почило.
И все, что было, есть, и все, что будет, было.
Для чаяний земли грядущее не цель.
О, тайна тайн моих! В плену возникновений
ты, гордый разум мой, — могила-колыбель
в недвижной вечности струящихся мгновений.
(Сергей Константинович Маковский)*

У каждой семьи своя хроника событий.

Про мою семью, состоящую из нас троих, да еще бабушки моих детей... а также ее не давних предков... можно сказать так: «Ее породила Сибирь».

Что это за земля – Сибирь? Точнее, Восточная Сибирь: Иркутск, Байкал, Ангара... и еще одна железнодорожная станция, превратившаяся в город с поэтическим названием Зима (!), а еще Ангарск, Саянск, Иркутск...

Это уже потом случились для нас Санкт-Петербург

и Москва, (а для Ильи – Улан-Батор, Пекин, Сингапур, потом Европа, Турция, а еще Киев, Одесса, Ялта...)

Далекая и загадочная Сибирь, хранящая тайны до сих пор, и даже в XXI веке, вызывающая нескрываемый страх и необъяснимое опасение на некоем генетическом уровне у европейских россиян, зачастую мало знающих и, уж тем более, помнящих, ее историю, и никогда в Сибири не бывавших. Что уж говорить про иностранцев.

Я много раз упоминала о талантливости сибиряков, об их особенностях, о земле, рождающей таких красивых и надежных, крепких физически и нравственно людей.

Не знаю, но, может быть, в качестве состава этой земли есть что-нибудь особенное. Человек ведь, метафизически рассуждая, возник из праха и в прах обращается, возвращаясь «домой», в землю, и... – опять... и все снова...

Но, как говорится, поди знай. В любом случае, Сибирь – это наше прошлое, часть истории моей семьи, а прошлое никогда никуда не исчезает, как не исчезает ничего в этом подлунном мире, ибо нечему исчезать (как может исчезнуть неисчезаемое), и как бы кто ни пытался его уничтожить (прошлое свое), например, в случае, ежели оно неприглядно, все равно потерпит неизбежное фиаско, и тут все старания психологов (как, впрочем, в любом их случае) выглядят глупо и бессмысленно.

Ни от чего не нужно избавляться, необходимо все переосмысливать, таким образом редактируя свое внутреннее

устройство, и, соответственно, вновь и вновь исследуя себя и познавая себя, что, как я утверждаю, и есть суть Бытия.

Помните: «Мир видимый, прости мне, Боже, он или призрак или ложь». И все же, раскрыть себя, разоблачив все «призраки» – в этом только и есть смысл жизни.

Мне повезло – мое прошлое красиво. И все мои слова о прошлом, как и об Илье, не могут не быть пропитаны нежностью.

Итак, откуда родом Илья – мой любимый герой.

Сибирь.

Существуют три версии происхождения слова «Сибирь»: тюркская, монгольская и этническая, но единого мнения в научном сообществе так и не сформировалось, поэтому я скажу о самой привлекательной, на мой взгляд.

Слово «Сибирь» является ничем иным как искаженным тюркским словом «сибэр» или «чибэр», которое в переводе означает «красивый».

Древние монголы, пришедшие с юго-востока и татары – с запада, легко могли назвать так земли к востоку от их владений, так как красота сибирской природы и сейчас поражает воображение.

Название «Сибирь» обозначало земли к востоку от Уральских гор еще задолго до появления здесь русских.

Это гораздо позже, в XVI веке, атаман вольных казаков Ермак проложил путь в глубину Сибири для русских.

Таким образом, вольные казаки – первые русские в Сиби-

ри.

И все-таки, огромное количество названий, а именно: населенные пункты, реки, озера, города – имеют, тюркское происхождение. Например, Загатуй, Залари, Кимильтей, Балаганск, Кутулик, Тулун, Куйтун..., а также Зима – город в Иркутской области, где Илья родился, Иркутск...

История происхождения названия «Зима» связано с бурят-монголами – они называли это место «зэмэ», что в переводе означает «вина» или «проступок».

Впервые оно упоминается в «Ревизских сказках» середины XVIII века.

В августе 1743 года Иркутская провинциальная канцелярия распорядилась о создании станции на Большой Московской дороге, по которой гнали заключенных.

В 1891 году началось сооружение Транссибирской железнодорожной дороги, а в 1898 году возникла железнодорожная станция Зима.

В 1925 году поселению присвоен статус города.

Зима является крупным железнодорожным пунктом Восточно-Сибирской железной дороги.

Вот это священное для меня место есть место рождения моего сына – рождения маленького трогательного, но абсолютного и бесконечно бесценного, и любимого комочка мироздания.

Рождения в тот самый солнечный-пресолнечный, а значит яркий весенний день 15 марта 1981 года!

Однако, через год и четыре месяца маленький Илюшенька вместе со своей семьей переехал в Саянск – самый молодой город в Иркутской области недалеко от Зимы.

Начало его строительства в 1970 году связано с возведением одного из главных отечественных центров химической промышленности и, до кучи, со 100-летним юбилеем В. И. Ленина.

Строительство шло среди тайги. Основное отличие от других городов, которым гордятся первые строители, заключается в том, что тут уже строились не временные, на скорую руку, какие-нибудь бараки, а возводилось сразу капитальное современное городское жильё.

Этому городу сулилось восхитительное будущее, в великих перспективах которого – затмение своей красотой, современностью и мощью всех городов мира, расположенных на этой широте. Но помешали, как всегда, перестройки-передряги, потом 90-е годы внесли свои унылые коррективы.

Такое, впрочем, всегда оказывается почти закономерным в нашей истории.

Не затмил, но все-таки стоит и развивается город Саянск. В этом городе Илья прожил 15 лет.

Расположен он на реке Оке (приток Ангары), в 270 км от Иркутска... Затем был Иркутск.

Иркутск – центр Иркутской области – острог, возникший в 1661 город у устья реки Иркут на Ангаре.

Иркут-река (от монгольского «эркэу» или «эрку») что зна-

чит «сила», «энергия».

Существует также красивая бурятская легенда о том, что уцелевшие от гибели при переправе через эту реку мужчины осели в долине, которую затем назвали «рекой мужчин» – Эрэхуды-гол или Эрхуд-Иркут (от бурятского «эрху») означает «капризный», «избалованный», то есть река с характером. Случилось это в VIII веке.

Иркутск – город на Ангаре, единственной реки, вытекающей из Священного Байкала. И по этому поводу тоже существует множество красивейших легенд, и все они, как одна, и как ни странно все – о любви, стремлении к красоте, о невыносимых душевных муках и страданиях, поисках лучшей доли, а то и – смысла... жизни – все как у людей – у рек, озер, морей и океанов.

Красавица Ангара сумела убежать из-под жесточайшего заточения отца-Байкала, строгого, но очень сильно любящего свою дочь, однако, по этой же причине державшего ее взаперти.

Все любовались ею, ее небесной, восхищающей и гордой красотой, но она рвалась к Енисею.

Обратившись к тэнгэри (обожевленное небо) за помощью, Ангара все-таки сумела убежать.

Она с шумом вырвалась из каменных стен Байкала и помчалась к своему желанному Енисею.

Могучий Байкал ударил по седой горе, отломил от берега целый утёс и с проклятием бросил его вслед убегающей

дочери, надеясь закрыть ей проход. Но поздно. Ангара была уже далеко.

А камень так и лежит с тех пор на том месте, где прорвала утёсы Ангара. Эту скалу, которую бросил Байкал вслед дочери, называли люди Шаманским камнем. Там приносились Байкалу богатые жертвы.

Иркут (прочимый Байкалом в мужья Ангаре) побежал за ней, но только и успел схватиться за её длинную фату. Тысячи лет течёт Ангара в Енисей водой-слезой, а седой одинокий Байкал стал хмурым и страшным.

И ведь, на самом деле, Байкал бывает очень свирепым, и лучше от него в такие минуты держаться подальше. Могуч и своенравен Байкал.

Слово «Байкал» считается также тюркоязычным, происходит от Бай-Куль, что значит «богатое озеро». Некоторые авторы полагают, что это слово происходит от монгольского «Баи гал» – «богатый огонь» или Байгал-Далай – «большое озеро» (море).

Получается, что без монгольского начала в Сибири невозможно обойтись (и это я считаю знаменательным фактом и для моей семьи)

Так и мой Илья – наполовину монгол. Но его вторая половина – русская.

И он, как и Сибирь, неоднозначен, многосложен и харизматичен, притягивающий к себе безвозвратно.

Мой любимый своенравный, необычный, талантливый,

поражающий своим тонким и глубоким внутренним устройством, сын, обладающий ярким творческим воображением, разительно отличающим его от окружающих, мудр не по годам.

Илья абсолютен и самодостаточен, по причине чего ему никогда не приходилось кого-то из себя изображать, позировать или, тем более, кривляться, чтобы завладеть вниманием или вызвать признание, или чтобы что-то доказать, ибо зачем кого-то привлекать оценить себя, когда он уже оценен Богом. Он сам Бог. Он такой есть.

Илья, «проживший уже тысячи лет», как сам он о себе сказал 1 января 2015 года, предвосхищая свой Новогодний тост – любим абсолютно.

Любимый мною, бабушкой (которая уже «там», которая, конечно, по обыкновению, за ним «там» присмотрит) и боготворящей его сестрой, любимый абсолютно.

Этими тремя женщинами – точно абсолютно.

Это было в Петербурге, и это был последний его Новогодний тост в его земной жизни. Ему было 33 года.

Но до этой минуты, а, следуя моему повествованию, – потом, после Иркутска, в жизни Ильи наступает период Улан-Батора, Пекина и Сингапура...

Глава 5

«В совершенстве изучив природу вымысла, он особенно кичился званием сочинителя, которое ставил выше звания писателя; я же никогда не понимал, как это можно книги выдумывать, что проку в выдумке; и, не убоясь его издевательски любезного взгляда, я ему признался однажды, что будь я литератором, лишь сердцу своему позволял бы иметь воображение, да еще, пожалуй, допускал бы память, эту длинную вечернюю тень истины, но рассудка ни за что не возил бы по маскарадам».

(Набоков В. В. «Весна в Фиальте»)

«Я ничего не сочиняю, я пишу жизнь...»

А еще проще и, более современно об этом сказано у Фредерика Бегбедера во «Французском романе»: «Моя книга готова – осталось только ее написать».

И вот я ничего не сочиняю, я пишу про жизнь Ильи, сына моего.

«Закончив» детский сад, Илья одновременно отучился в первом классе.

Это был городской эксперимент отдела народного образования: программу первого класса дети изучают, посещая садик старшей группы в шесть лет.

Режим сна, обеда и отдыха не нарушается, однако, пере-

одевшись на 2—3 часа в школьную форму, ребятишки превращаются в первоклашек, и это их очень забавляло.

Таким образом, во второй класс Илья отправился в 7 лет.

Но еще, также одновременно по окончании садика, он сдал экзамены в музыкальную школу по классу фортепиано, и начал «изучать» музыку.

Правильнее будет сказать, что это я так решила, так хотела, чтобы мой сын учился в музыкальной школе, хотя Илья мечтал и бредил художественной.

А я, уверенная в том, что мне необходимо воспитывать своих детей в лучших традициях аристократических семей русского дворянства (филолог, что с меня еще возьмешь) полагала, что художественная школа вторична: потом пусть будет, после музыкальной, ибо три школы для семилетнего ребенка многовато.

Маленький Илья не унывал.

Тем не менее, начиная с 4-х-5-ти лет, этот мальчик, такой энергичный, подвижный и жизнерадостный, мог сидеть часами: целый день, не теряя сосредоточенности (главное: ему не мешать) за своей удобной парточкой – сидеть, рисуя, клея самолетики и кораблики, конструируя что-нибудь...

Такая маленькая парточка, соединенная с кожаным креслицем (тоже эксперимент середины 80-х годов, но уже – мебельный), которую я «достала» тогда по большому благу.

Именно за ней он мог долго сидеть и рисовать, переносить бесконечные, порой фантастические сюжеты нереальных

историй, непрерывно возникающие в его детском воображении, на бумагу.

Мы всегда удивлялись и одновременно переживали – ну как же: не ест, не пьет, не хочет гулять, тогда как за окном могло роскошно существовать красивое, яркое, солнечное и зеленое сибирское лето, пронизанное звонкими радостными детскими голосами, криками, раздававшимися во дворе, где беззаботно бегали, играли и смеялись их счастливые обладатели.

Илья рисовал.

В музыкальной школе учился хорошо, но не ровно. В минуты, когда она его несказанно «доставала», он мог благополучно «забыть» про домашнее задание.

Ирина Ивановна, учитель музыки, говорила, что Илья подает большие надежды, он просто талантлив, и нужно только больше заниматься.

Оно и понятно: во-первых, мальчик (хотя девочек всегда в два раза больше, и они в два раза прилежнее), во-вторых, проявляющийся талант, а также физические данные (пальцы рук подходящие), врожденный вкус в отношении всего – не могли остаться незамеченными.

Но беспечный ребенок Илья не придавал такой своей природе никакого значения (много позже оценил!), а Ирина Ивановна также многое ему прощала.

– Илюшенька, чего твоя душенька желает сейчас больше всего, скоро ведь 15 марта, наш с тобой День рождения? –

как-то вечером, уже перед сном, спросила я своего сына.

– Я хочу, – нимало не задумавшись и не смутившись, – отвечает мне Илья, – чтобы я завтра пошел в музыкальную школу... – я замерла, и душа моя возрадовалась, а Илья продолжает, – и вот я прихожу, смотрю: а она сторела... – жалко, конечно, но что, мама, поделаешь. Такова суровая правда жизни! – стоит ли описывать изумленность, изобразившуюся тогда на моем лице.

Не посмеяться тогда от души над этой шуткой поводов у нас не существовало.

Его желание, к счастью, не сбылось, и пришлось-таки эту школу музыкальную ему закончить.

Конечно, он не был паинькой-паинькой, как говорят.

Эти ровные ребята неинтересны, как правило, и, как правило, зависимы, из них получают отменные жертвы, обиженные на жизнь, ими легко манипулировать: они послушны и не оригинальны ни разу. А исключения, как водится, только подтверждают правила.

Илья всегда имел свою, не похожую ни на чью другую, точку зрения на любой предмет или явление, и обладал сильной интуицией, граничащей с пророчеством.

С самого раннего детства он был признан талантливым, да еще сверхчувствительным мальчиком (сейчас про таких бы сказали – дети-индиго). Современный ребенок с совершенно не современным сердцем.

Было очевидно с детства: к чему бы ни прикоснулся Илья,

все было одухотворено его божественной харизмой, художественным изяществом, тонким вкусом.

И, как бы чувствуя, эту непохожесть свою на других детей, он старался этот дар скрыть, подстраиваясь под грубую форму видимого внешнего мира.

Да, Илья обладал всепобеждающим обаянием и харизмой с детства, и, несмотря на нехарактерную внешность, или, тем более поэтому, и учительница музыки Ирина Ивановна, и классный руководитель Татьяна Николаевна прощали ему все, и был он, конечно, их любимцем.

Но хлопот и невольных переосмыслений педагогического характера в подходе к своим ученикам Татьяне Николаевне, например, пришлось пережить немало, благодаря Илье и из-за Ильи.

Сначала она говорила, что Илья – негласный лидер, но только он «делает в классе погоду», а позже – что он, не скрывая уже своего лидерства, «создает погоду в классе», и не всегда безмятежную, тихую или благоприятную, уже как гласный лидер.

Правда, сам Илья об этом вряд ли задумывался: он просто, ведомый своим буйным, выплескивающимся через край воображением, неизбежно увлекал за собой и всех остальных.

Зато, какова была цена того высокого трогательного признания от Татьяны Николаевны – что Илья ее самый любимый ученик – на выпускном торжестве, после окончания

школы!

Я плакала: у меня пролились из глаз слезинки родительского умиления в тот самый момент.

Ну а как же иначе?

Глава 6

*И мы знаем, что так было всегда:
Что судьбою больше любим,
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым.
Он не помнит слово «да» и слово «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имён.
И способен дотянуться до звёзд,
Не считая, что это сон.
И упасть, опалённым звездой
По имени Солнце.*

(Виктор Цой)

И вот я стою, роняя родительские слезы умиления, а рядом со мной – два неизменных и верных рыцаря, и оттого незаменимых – двое друзей детства Ильи – Женя и Артем.

Женя Ковалев и Артем Грильборцер. Это те самые два друга, мальчишки, для которых одних только бабушка Ильи, Капитолина Аверьяновна, делала исключение, когда с самого утра в квартире, не умолкая, звонил звонок, и какой-нибудь паренек в очередной раз спрашивал:

– А Илья дома? Позовите Илью.

«Илья еще спит», – или, – «Илья очень занят», – как правило, отвечала бабушка, зачастую лукавя, чтобы удержать своего Илюшеньку хотя бы ненадолго около себя.

Мальчишки, правда, не унывали, и, выстроившись в оче-

редь, ждали на лестничной площадке, когда Илья «проснется».

Ситуацию мог разрешить только Женя Ковалев (Коваль) или Артем Грильборцер (Фокс), которые имели приоритет в «пропускной системе» бабушки. Ведь их с Илейей троица – крутые ребята, и они честно играли эту игру, а роль главного режиссера спектаклей всегда неизменно выполнял Илья Базарсад (Боря).

Например, когда в 9-м классе Илья заставил всех надеть классические костюмы и сияющие чистотой белые рубашки, им многое стало видится по-другому.

А потом они втроем, одетые с иголочки в эти костюмы, и в начищенных ботинках, прохаживались по Саянску, как будто сошедшие с экрана американских блокбастеров настоящие Хранители или «отцы» города.

И тогда все, но главным образом, добрая девичья половина жительниц сибирского городка непременно обращала на них свое, как бы снисходительное, но, тем не менее, заискивающе-восторженное внимание.

А взрослые невольно улыбались и запоминали их.

Прообраз Артема, например, являлся Шварценегер: такой был «качок». А еще Илья мог, чтобы уж полностью соорудить подобие оригинала, выкинуть старые ботинки своего друга, и приказать надеть новые, современные, подходящие, по глубокому его убеждению, именно Артему, хотя самого Артема, в принципе, могла вполне устраивать его

прежняя обувь, но, все же, доверяя безукоризненному вкусу Ильи, он подчинялся.

Илья формировал имидж друзей. Артем должен был сделать соответствующую прическу, например.

Стрижка, которой он должен был обладать, называлась «площадкой» (что поделаешь, художественный вкус Ильи требовал, чтобы у Артема была именно такая современная прическа, такой образ).

Сам же Илья носил стрижку, подсмотренную у Майкла Джексона: прямой пробор, средней длины черные жесткие волосы – буквально с обложки голливудской афиши.

Для Жени тоже всегда подбирался образ блестящего крутого парня из заграничных бой-бэндов, например, «Backstreet Boys», а малиновый Женин пиджак благополучно, как и в случае с ботинками Артема, был отправлен в утиль.

Было и такое, что Илья, как осознанный умный мальчик, понимая, конечно, что курить – это, как минимум, некрасиво, а как максимум – несовременно, все же представляя (и моему мысленному взору в том числе) яркую живописную картинку из жизни выдуманных героев, говорил:

«Все-таки есть в этом что-то, блин, когда трое крутых парней в черных одеждах, и кожаных плащах до пят, и в самых модных начищенных до нереального блеска ботинках, со стильными прическами притом, идут по главной набережной Ангары, например, идут вальяжно, полные достоинства,

и в то же время, по-деловому.

В руках или зубах – дорогая сигара! Из левого карманчика черного пиджака видится полоска несколько другого оттенка, но тоже черного цвета – полоска носового платка...

И все девчонки с вдохновенной надеждой провожают их взглядами, а они, не обращая на них никакого внимания, сосредоточенно и целеустремленно шествуют мимо, направляясь в свой хайтек-офис для решения задач самых глобальных размеров, идут решать проблемы мирового масштаба, отвечать на вечные вопросы вселенского характера, на вопросы бытия!»

Эта картинка будоражила его мальчишеское воображение и, одновременно, вызывала желание повзрослеть.

Для Ильи всегда важен был стиль, и безупречный его вкус требовал аккуратности, доходившей потом, бывало, до педантичности. Он приучил всех непременно тщательно проглаживать свои вещи, причем это занятие превратилось в «манию», по словам Жени. А еще «манией» стало – говорить по-английски, и ребята легко и в совершенстве английским языком овладели, потому что за спиной «стояла» такая вот их детско-юношеская философия, потому что она была!

И тут же бегала между ними маленькая сестренка Ильи с большим именем Маргарита, на нее никто не обращал внимания, а она все принимала за чистую монету, считая своего брата Илью, Женью и Артема настоящими «гангстерами» или суперменами, какие бывают в фильмах.

Грубый внешний мир, на который в детстве можно было закрыть глаза (или по крайней мере надеть на них пресловутые розовые очки) пользуясь богатым воображением и умением фантазировать, данными при рождении, разительно отличался от того, что было у Ильи внутри.

И поэтому все вокруг он раскрашивал в цвета своего душевного мира, которые, естественно, были необычайно более яркими и бесконечно выразительными.

Сценарии создавались мгновенно, подобно яркой вспышке, возникающей из «ниоткуда» в его воображении – и получалось красиво, гармонично, стильно, тонко.

Тяга к прекрасному во всех его проявлениях – органическая потребность Ильи. Возможно, и гены отца, крупного бизнесмена, владельца кашемировой фабрики в Монголии, обладающего вкусом и тонким пониманием стиля, и гены деда-художника, и дяди-архитектора по моей линии, имели значение.

Одним словом, информационная матрица монгола-отца и русской матери причудливым образом переплелись в сыне, в Илье.

Именно поэтому он имел очень мощные возможности бессознательных уровней психики, что позволяло ему быть (с у щ е с т в о в а т ь) как человеку, наделенному по сути пророческим даром, и легко как бы «видеть» свою жизнь в перспективе.

Однако, в любом случае, у Ильи была своя, ни с кем и ни

с чем не сравнимая особенность восприятия мира и искусства. И была, конечно, мысль снять однажды свое «золотое» кино.

«Ну, какие наши годы. Потом!» – думал Илья.

(Например, Павел Лунгин, к фильмам которого Илья относился с большим уважением, начал снимать почти в 40 лет, когда за спиной уже сложился соответствующий бэкграунд. Помните, «Остров», «Дирижер», «Такси-блюз»...

Но Илье было отмерено 34 всего)

Ребят объединяло в тот момент все: и общие интересы (с 9—10 лет – горные лыжи, каратэ, кружок моделирования (а у Ильи еще и музыкальная школа), а позже – игра на гитаре, какое-то песенное творчество, а еще сколько всего того мальчишеского и юношеского, что мне знать не дано; и при этом разность национальностей (монгол, русский и немец) их объединяла, и разность темпераментов тоже их объединяла, и тяга друг к другу, которая с годами только усиливалась, а к Илье – особенно – их объединяла.

Женя Ковалев (в редакции моей матери «Женька-новый русский») ходил вместе с Ильей в один и тот же детский садик и в одну и ту же группу, а потом – в один и тот же класс одной и той же Гимназии, и сидели они за одной партой с Ильей.

Женя – умный, рассудительный, романтичный и несуетливый, ценил Илью со свойственной Тельцам основательно-

стью, практичностью и стремлением к красоте и изяществу, за его изобретательность, оригинальность мысли, прямоту и честность.

Артем Грильборцер («Артемка Грибоцев-немец» – все в той же редакции) – друг двора общего с нами дома, чуть постарше обоих (Ильи и Жени) – «прочный» и надежный (как все немецкое).

В Илье, стремительном и с пронизывающей всех насквозь интуицией, он просто души не чаял и будучи физическим крепышом, как-то подсознательно определял, что Илью необходимо оберегать, ведь у Ильи главное-то оружие, в случае чего (а это 90-е годы, друзья) – только слово, речь, пусть и убедительная, и даже усиленная выразительной экспрессивностью, но...

И Фокс (Артем) появлялся всегда в нужное время и в нужном месте, где бы Илья ни находился. Он тянулся к Илье и любил его, Илья ему платил той же монетой.

И вот эти ребята, ни минуты не рассуждая, прилетели из разных концов света в холодный ноябрьский Санкт-Петербург, угрюмый и пасмурный. Прилетели на последнюю земную встречу со своим другом. С Ильей.

Опускался на землю большими хлопьями снег: такой, что дворники еле справлялись, очищая лобовое стекло машины.

Весь мир был объят этим, в крупных хлопьях, мокрым снегом. И, конечно, потом шел дождь.

Солнце скрылось. Не было Ильи, не было и Солнца.

Они прилетели: один – из Иркутска – из Сибири, другой – из Германии.

Не задумываясь, потому что место для всех мыслей в их головах освободилось, и его на одну минуту заняла умеющая только чувствовать и сострадать душа.

И каждый стоял, ни о чем не думая, а просто не жалея своего сердца, рвущегося на части от какой-то неизвестной и неизведанной еще острой боли – стоял и чувствовал... пустоту...

Зачем все это? Если нет Ильи? Нет, не может быть, чтобы «все» это было все, а потом – ничего.

Конец?

Тогда все это зачем? Вся эта «жизнь» тогда, зачем?

Каждый помнил только об одном – о своем Илье. Каждый видел своего Илью.

И опять – рядом со мной.

Момент истины – это вот этот момент, когда не допускается даже крупинцы фальши, потому что рядом Илья: и нет фальши вокруг, потому что ее нет в душе... когда ЕСТЬ Илья.....

И я продолжаю повесть.

Далее у Ильи был Улан-Батор и Сингапур.

Глава 7

Нет ничего вечного, и в ту же секунду: ВСЕ – вечно. Если это не так, тогда объясните мне: где начало и где конец этого МИРА. И когда я говорю: ничто не имеет значения, – я ошибаюсь, потому что ВСЕ имеет значение...

Пора отрочества – это чередой влюбленностей или бесконечная любовь «с первого взгляда» – ведь внешность заманчива, а тебе 16!

С присущей тонким натурам прозорливостью Илья понимал, что все пройдет и страсти улягутся, поэтому в его мире все будет по-другому. И он готовит себя к совершенно другой жизни, четко зная, кем и каким хочет стать.

Образ отца, крупного успешного бизнесмена и известного политика к тому же, не давал покоя. Но юность требовала своего, и он с также присущей ему страстностью отдавался ее требованиям, поэтому назвать Илью просто послушным ребенком, с которым у родителей не бывает проблем (такие дети – зависимые жертвы в будущем) нельзя по определению. Здесь другие дефиниции.

Просто этот мальчик всегда оказывался способным объяснить и чудесным образом (философически) трактовать свои поступки. И нам, как и в случае с Татьяной Николаевной, классной руководительницей, ничего не оставалось, кроме

как все принимать за чистую монету, и все ему прощать, или почти все.

Случаев, из ряда вон выходящих, связанных со становлением личности Ильи в подростковый период у нас хватало. И если рассказывать все, то их перечень займет половину романа.

Юноша взрослеет – это значит, к нему приходит любовь. Пора школьной любви у большинства подростков – это святое и, наверняка, она осталась в памяти у Ильи навсегда тоже.

(И вот теперь кто хочет, тот пусть и думает, что именно «она» – его первая любовь)

Но Илья, к счастью, обладал аналитическими способностями и рассуждал, тем более, будучи целеустремленным, здраво. Трагедий на этой почве (что не редкость) подобной Ромео и Джульетты, например, у нас не предполагалось. И не было.

– Илья, если я тебя спрошу, о чем пьеса «Ромео и Джульетта»? – что ты мне ответишь?

– О любви, – автоматически отвечал Илья. А кто бы ответил иначе.

– А вот и нет, это – единственно возможный неправильный ответ, потому что, конечно, как произведение гениальное, «Ромео и Джульетта» – обо всем; и только любви нет в этом явлении искусства; и это не эталон любви, как все считают, а пьеса – о несчастных подростках и глупых, незре-

лых взрослых всего лишь.

– Да, но мы-то, мама, с тобой счастливые и не глупые, – иронизировал, как всегда, Илья, а я считала, что провела очередной сеанс родительского воспитания, и с чувством выполненной миссии успокаивалась после подобных наставлений.

Вот так мы с Ильей тогда рассуждали.

Литература нам помогала, а мой сын умел делать разумные выводы в силу своего восприятия бытия, и не поддавался безумно обуреваемым страстям лучезарного сияния юности (так наивно полагала я).

Однако гормоны делали свое дело. И эта вся разумность так и оставалось литературой!

И в свои 16 лет, учась еще в 11-м классе, Илья, ну, разумеется, твердо, основательно и решительно постановил, что женится.

Оля, так звали его избранницу, к счастью для обоих, переехала в Москву на тот момент.

Но разве это препятствие для влюбленных в их резвом молодом беге к «неземной», глубокой, а главное, как уверял Илья, перспективной и «продуманной» любви!

И самое интересное заключалось в том, что Илья, как всегда, практически убедил меня в необходимости совершения такого шага.

А Оля любила Илью безумно, и также прощала ему многое, и, как оказалось, тоже было, за что.

Ах, Илья, неугомонный и вездесущий Илья.

Много позже я спрашивала у Оли:

– Почему ты его не удержала? – надеясь, естественно, на оправдательный ответ.

– Ошибаетесь, Галина Викторовна, – ответила она, – еще как удерживала, и даже тогда, когда он вернулся из Монголии и приехал ко мне в Москву... удерживала. Но он не останавливал свой стремительный бег по жизни. Мчался.

Затем она замолчала.

Она вспомнила недавно приснившийся ей сон, вот уже сейчас... сон об Илье, в котором Илья с ней простился, и она поняла, что он ее помнит и любит. Это был светлый и чудесный сон, по словам Оли.

Он мягко и нежно ее успокоил, поцеловав в щеку, прямо глядя в глаза... и с той самой неизменно-очаровательной улыбочкой на лице, до сих пор ею любимой...

И она сказала мне:

– Илья был уникален во всем. За что бы ни брался... мне кажется, равных ему не было. Но пресная, семейная жизнь не для него... конечно... Он настолько выделялся на фоне всех остальных...

Конечно, Оля сострадала. Это ведь и ее боль.

Оля.

А тогда благоразумная, серьезная Оля – девочка из хорошей интеллигентной семьи, кажется, потеряла рассудок (впрочем, это на первый взгляд «кажется» – она его, конеч-

но, потеряла) и только ждала, когда Илья окончит школу, чтобы выйти за него замуж.

Илья окончил школу, Оля вышла замуж, но только гораздо позже и не за Илью. Кому было известно наверняка тогда, что так и должно было быть?

Оля до сего момента любит Илью безоговорочно и искренне, она сожалеет лишь об одном: что не смогла его удержать.

Но разве может и Илья не любить Олю?

И в то же время, разве можно удержать Илью.

А Илья через год после твердого решения жениться уже говорил по-монгольски.

Приехав к нему в Монголию, в Улан-Батор, мы с моей дочкой и его сестрой Маргаритой, испытали легкий шок, услышав, как он разговаривал со своим отцом на чистейшем монгольском языке.

Монгольский язык имеет совсем другую природу звуков, орфоэпии, синтаксиса, грамматики, не говоря уже о лексике, в отличие от всех, например, европейских языков. Илья же его одолел мистическим образом быстро: полгода прислушивался, потом что-то запоминал, а однажды утром проснулся и заговорил, как на родном, даже сам этого не заметив.

И позже он мог не только говорить, но и думать по-монгольски, как и по-английски, равно как и по-русски. А потом еще и по-немецки.

Находясь в Улан-Баторе, Илья овладел немецким языком

также хорошо, как и английским. Языки давались ему легко. (Стоит ли упоминать об украинском, который Илья «осилил», когда жил и работал некоторое время на Украине: в Киеве, Одессе, Ялте, Севастополе...)

Немецкий был необходим, потому что Жаргал, отец Ильи, желал отправить учиться его в Германию.

Именно поэтому он «переманил» Илью к себе, в Монголию, а я не возражала, хотя стоило мне это больших моральных трудов и нравственных усилий.

Я не верила словам Жаргала, но если бы я каким-то образом не отпустила Илью к отцу, к которому он рвался со всей своей открытой, доброй и наивной душой, сын бы мне этого не простил никогда, и возможно, меня бы возненавидел, считая, что я ему обрезаю крылья. Могла ли я так поступить?

Обещания своего Жаргал, конечно, не выполнил, желание кануло в Лету. Но это, как говорится, совсем другая (хотя и судьбоносная) история о том, как безоблачный мир Ильи, созданный им дома, в России, где его окружали и лелеяли бесконечно его любящие мама, бабушка и маленькая Маргарита, а также верные друзья, жестко и резко рухнул.

Жаргал перевернул все с ног на голову во внутреннем устройстве и в душе Ильи: он прошелся по ней грубо, безжалостно, однако уверенно, ступая своими начищенными до сверкающего блеска ботинками, прошелся по ее нежной сущности, не вникая в детали и не будучи с Илей хорошенько знакомым, заставив сверхчувствительного ребенка

совершить переоценку обретенных ранее ценностей насильно, подчиняя своей воле.

Илья вырвался, как и следовало предполагать, из-под этого, по-азиатски изощренного «гнета», но позже.

Он поставил все снова с головы на ноги, найдя в себе нравственные силы вновь все переосмыслить и сделать так, как и должно всему было быть.

Жаргал «воспитывал» в нем жесткость, и даже жестокость, мужественность, «целесообразную» грубость, как он говорил, чтобы парня не мог никто использовать в своих целях или манипулировать им, чтобы он не был таким мягким и любящим всех, чтобы не был «лохом», и, если он не номер один, то такой сын ему и не нужен...

...и так далее, по тексту всех диктаторов всех уровней, добившихся «успеха» в этой жизни.

При этом он совершенно не учитывал уникальную природу Ильи, качество его натуры. Судил по себе: сам-то он – настоящая и беспощадная «акула» бизнеса. Но дело было даже и не в этом...

Суть, как ни странно, и в то же время, психологически объяснимая ее правда, заключалась в другом. Это был случай с «ничего и никогда не забывающим монголом» – так называл себя сам Жаргал.

«Ничего и никогда не забывающий монгол» – это значит злопамятный и мстительный, доводящий любую свою идею до исступления азиат, как бы это сделал человек – настоя-

ший потомок Чингисхана, каковым себя Жаргал и считал.

Глава 8

Жаргал не забыл свои терзания по случаю уязвленного самолюбия и, как ему казалось, несправедливо уязвленного.

Его достоинство оскорблено, а этого нельзя допустить, потому что он – Жаргалсайхан – прямой потомок Чингисхана.

Он очень хорошо помнит свои страдания и муки из-за того, что я тогда с крошечным полуторагодовалым Илюшенькой исчезла из его жизни, скрывшись в единственно возможном месте, о котором никто не знал (об этом я вам, мои читатели, рассказывала в самом начале повествования)

Сумрачный, с опущенной головой, являя собой ту самую «черную тучу» и будучи даже чернее ее, бродил он по улицам Иркутска, размышляя о том, как нас вернуть, и при этом как бы изощреннее и «доходчивее» отомстить за причиненную ему боль.

И спустя 15 лет Жаргал не забыл ни этого теснившего тогда его грудь чувства, глухим криком тупой безысходности вырывавшегося наружу, ни своего, как он считал, унижения, да еще полученного от женщины, тем более, от жены.

По твердому убеждению Жаргала: любая женщина (или жена) – это красивое существо, долженствующее иметь лишь некий набор функций, ну, скажем, 10—15 (количество варьируется в зависимости от природы индивидуума), которые направлены на выполнение и удовлетворение прав, требова-

ний и желаний мужчины, и по большей части она – молчаливое существо, преданно смотрящее в глаза своему господину.

Такая женщина ни что иное, как воплощение восточного идеала женской покорности. И все.

Мне, воспитанной и «вскормленной» другой культурой не то чтобы принять, понять-то было это не в силу. Для него – норма.

А тут такое дело: его твердые убеждения подвергнуты критике, да еще и оскорблены.

Поэтому, создавая свой бизнес и связывая себя с политикой, он с ожесточенной целеустремленностью пытался доказать (в том числе и мне), чего на самом деле стоит, какой имеет вес и значимость, и насколько он, Жаргал, важен.

Как в полнометражном красочном кино перед его взором проносились кадры хроники нашей недолгой, но пронзительно-страстной совместной жизни перед первой встречей через 15 лет. (Встреча была необходима, потому что решалась судьба Ильи после окончания школы).

Много чего было пережито вместе: и хорошего, и того, что не хотелось бы помнить.

Кадр за кадром – в деталях и мельчайших подробностях прокручивал Жаргал в своей голове снова и снова те обстоятельства, то вынужденное расставание.

Он винил во всем меня, естественно, и не прощал. Я, в свою очередь, не переставала жить с мыслью, что проще-

ния должен был просить у меня он.

Однако, правды, истины и справедливости, как мы теперь знаем уже наверняка, в этом мире не существует, то есть, вообще не существует: по определению! Не существует.

И стоит ли об этом говорить.

Юные и глупые Ромео и Джульетта, трагически-счастливым образом (иначе произведение не было бы гениальным) просто не дошедшие до подобных столкновений, как мы, просто сейчас молчат: им нечего сказать. Это мы уже были двадцатилетними. И это с нами все случилось так, как случилось.

Одним словом, «никогда ничего не забывающий азиат» ничего не забыл, и про месть, уже его самого вымучившую, тоже.

С точки зрения человеческой психологии все объяснить просто: прощать, забывать, то есть, не помнить, не страдать... могут только личности, покорившие сами себя, победившие свое эго, такие, например, как Будда, Иисус Христос, пророк Магомед (Мухаммед) или некоторые йогины, так называемые «просветленные», ну, может быть, кто-нибудь еще...

Но мы все, дай Бог, можем только стать на этот Путь. Вот и страдаем по пустякам, растрачивая свою душу на мелкие «монеты»: все «трагедии» именно из-за «пустяков», возведенных людской мыслью в ранг единственно ценного: деньги, власть, амбиции, гордыня... возвеличивание себя

над другими – естественно, они пусты, как буря в стакане, и необоснованны с точки зрения нравственных ценностей, с точки зрения продвижения духа.

Гоняемся мы за этими ценностями, а нужно-то всего-на-всего, не устаю повторять я, в своем внутреннем устройстве наводить порядок, развивая и расширяя масштаб мышления, тогда чудесным образом выкристаллизуются «ценности» совершенно другого порядка, более достойные звания человека на земле – месте его кратковременного пребывания.

В общем, «хорош философствовать» – опять бы остановил меня Илья.

Ясно одно: вот в чем истинное дело – Жаргал подсознательно, даже не отдавая себе отчета в этом, вымещал всю свою злобу, вызываемую моим образом, на моем сыне.

В этом коварство и «любовь», но по версии Жаргала.

Илья прилетел в Улан-Батор и это было утро 17 августа 1998 года. В России тогда случился первый дефолт. Мы меняли рубли на доллары уже по новому, почти в два раза выше, курсу; в банки нескончаемыми вереницами текли люди, стоявшие затем сутками напролет в очередях.

В аэропорту Улан-Батора Илью встречал 38-летний отец-Жаргал (правда, не собственной персоной, а подчиненные ему люди).

Это время – звездный час Жаргала-бизнесмена. Он был упоен своей властью и влиянием в политике.

Газеты пестрели заголовками о нем и его деятельности.

Каждый шаг Жагаа (так звучит укороченное на монгольский манер это имя) любое его выступление или беседа не проходят мимо внимания общественности.

Ореол сенсационности (какое-то время он считался даже самым одиозным политиком в правительстве Монголии) хвала и хула сопровождают Жагаа с того дня, как он стал на нелегкую и рисковую стезю бизнеса и политики.

Он был лучшим бизнесменом года. «Человек этот, безусловно, примечателен и неординарен. Высок, худощав и сразу выделяется среди монголов. Одевается элегантно, с изыском. Привычка двигать плечами при ходьбе подчеркивает энергичный, напористый характер. У него пронзительно острый взгляд. Самоуверен. Собеседник интересный, потому как мыслит нестандартно, не обходит острых углов, полный идей по обустройству национального бытия...», – так, например, характеризовала его одна из многочисленных газет.

А вот еще: «Жаргал установил на своих предприятиях чрезмерно жесткий режим: люди трудятся по 10—12 часов, прихватывая выходные. Многие уходят, однако зарплаты у него выше государственных, а также реализуется социальная и жилищная программа, и, комментируя это, владелец фабрик Жагаа говорит: «иждивенчекая психология – вот что является нашей главной бедой, – и далее: те, кто работы не боится, не уходят».

И еще заголовок: «Жаргалсайхан, одевший Хиллари Клинтон, начинал бизнес в Сибири...», а также: «Быть первым – девиз Жагаа, лидера по своей натуре, человека тщеславного...»

А я еще думаю, что лавры и всепобеждающие успехи легендарного Ли Куан Ю не давали ему покоя и являлись для него непревзойденным примером. Это к слову о Сингапуре, где Илья в скором времени будет учиться.

– Чем решил заняться в жизни? – без обиняков спрашивает он юнца, своего сына Илью.

– Мне нравится музыка, мы с ребятами даже свой ансамбль организовали... – Илья осекся...

– Я спрашиваю: каким делом хочешь заняться, чем владеть? – не дослушав Илью, перебивает Жаргал и продолжает, – трясти балалайками – это не бизнес, песни петь – это тупая блажь, если ты не Майкл Джексон, – вот так резко и сразу «музыкальные» крылышки Ильи были срезаны.

– Я еще менеджером хочу стать, – не сдается Илья, не совсем четко еще понимая, какого уровня менеджером.

– Твоя мать – женщина эмоциональная, чувствительная и неконструктивная, что такое настоящее дело для мужчин, она не понимает. Литература, музыка, танцы... она простой «народный учитель» с зарплатой нищего, – здесь он ехидно улыбается, прищурился по обыкновению левый глаз и без того узких, но насквозь пронизывающих любого человека монгольских «очей», и при этом даже не подумав узнать про на-

клонности, таланты, увлечения или хотя бы направленность мыслей своего сына...

– Но зато я знаю, что хочу быть самостоятельным, ответственным за свое любое дело и не ждать ни от кого никакой помощи, потому что те, кто на нее надеется, как правило, слабаки... и ничего в жизни не достигают, – это Илья выучил отлично, поэтому всегда отвечал за свои поступки – за всех, кто шел за ним, что гораздо сложнее, чем просто на кого-то надеяться или прятаться за чужой спиной, или ждать-ждать, а потом получить помощь, как манну небесную.

А я его всегда напутствовала: «Познавай себя. Владей собой, сынок, покоряй только себя. Потому что «сильнее всех – владеющий собой» И в этом смысле – он, конечно, мой сын.

– Все это восторженное сумасбродство, и ты просто не знаешь жизни, – раздраженно заметил Жаргал, – истребляй в себе всю эту лирику и чушь, всю эту «литературу», вложенную в тебя матерью. В жизни главное: быть первым. Быть первым во всем: быть первым информированным, уметь первым все проанализировать и, если необходимо – внедрить, быть первым в своем бизнесе, – его глаза загораются, когда речь идет о бизнесе.

Пройдя жизненный опыт, он считает, что дружба, любовь, поэзия... – лишь красивые слова, не существующие в жизни, и даже не должны существовать, ибо все это глупость, слабость, и ничего в них возвышенного для человека нет.

Только бизнес.

Вот такая первая взрослая встреча отца и сына.

Вечная «Обыкновенная история»: такое воспитание чувств, начало взросления для Ильи и, как водится, мучительных разочарований.

Но это история моего сына.

Глава 9

*«Жизнь – обман с чарующей тоскою...»
(Сергей Есенин)*

– Эй, пацан, стой-на.., – трое оборванных подростков останавливают Илью, который «обкатывал» свой новенький только что подаренный ему велосипед. Новенький, желанный, модный. «Кама» назывался.

– Серый, я его знаю, у него еще мать в телеке, – кричит один из хулиганов.

– Че надо? – как можно суровее спрашивает Илья. Ему 11—12 лет. Неприкаянные эти пацаны-подростки гораздо старше.

– Слышь, дай прокатиться, ну че жидишься, дай, не выпендривайся, – с хамовато-наглым упорством, свойственным всем отпетым дворовым пацанам знаменитых 90-х, – кричат они, перебивая друг друга.

– Сейчас, сделаю еще два круга, – говорит Илья и уезжает. Пацаны, с завистью поглядывая то на велик, то на Илью, бегут за ним.

– Илюха, ну дай, че ты, – уже упрашивает один, – только прокатиться разок...

Смотрит Илья на жалких, хотя и существенно старше его, ребят, и решает:

– Ладно, только – по одному, – те, злорадствуя и громко смеясь, уезжают, а кто и убегает.

Илья остался ждать, когда они вернуться... Наивный.

Стоит ли говорить, что никого он так и не дождался. Пришел домой. Молчит, сдерживает слезы. Ну, конечно, страдает. А что поделаешь?

Чуть позже они с друзьями «разобрались» с этими жуликами, и тогда Илья пришел с фингалом под глазом.

Первый урок коварства на тему: стоит ли быть таким доверчивым и жалостливым, будучи наивно уверенным, что все такие, как ты сам, был пройден на практике.

«Совсем не приспособленный к физическим «разборкам» мой интеллигентный мальчик, «он просто органически другой», – думала я, – и вдруг с фингалом.

Значит, дрался, отстаивая свое право.

Но отрицает, что дрался, говорит, что это так, неудачно упал.

Дрался, конечно.

И я чувствую, что «дрался» -то он, как и тогда, или почти, как тогда в детском садике в 3 своих годика.

Тогда маленького Илью кто-то ударил, слезки потекли, потому что больно было. И когда я его спросила:

– Илюшечка, ну ты хоть сдачи-то дал этому мальчику?

Он ответил так:

– Я ему такую сдачу дал, что этот Славка летел в Космос, на Луну, – конечно, я поняла, какую он дал «сдачу».

Однако все болезни роста нормальных мальчишек Илья стремился почувствовать и преодолеть с каким-то необъяснимым задором и желанием, исподволь даже провоцируя порой себя на это.

Велосипед возвращен не был (эти юные наркоманы-токсикоманы его продали, то есть, сбагрили кому-то, обменяв на вожделенную дозу).

Илья был в смятении чувств, его предали, обманули, у него нагло и некрасиво отобрали ему подаренную желанную вещь.

– Вот гады проклятые! Ну да Бог с ним, с велосипедом, Илюшенька, – успокаивая внука, приговаривала бабушка, еще больше переживая за своего Илюшеньку, чем он сам за свой велосипед.

Купили другой (не такой красивый и модный, конечно) но, как говорится, осадок остался.

Вот и сейчас вчерашний школьник Илья Базарсад после разговора с отцом испытал нечто подобное, похожее на смятение чувств, он находился в некоем замешательстве.

Вот и сейчас у него что-то дорогое и бесценное «отобрали».

Возможно, его красивую приверженность к своим мечтам и сформулированным уже представлениям о целесообразности поступков и действий «отобрали», как «отобрали» его сложившуюся к этому времени картину мира...

Ее высмеяли, и все смыслы перевернулись.

Это был первый серьезный переломный момент в жизни и в душе Ильи.

А Жаргал с роскошным и упоительным высокомерием, граничащим с удовольствием классического манипулятора, наконец-то продемонстрировал (в том числе, хотя и мысленно, но опять-таки мне) чего стоит он.

Он злорадно упивался своей значимостью, славой и своей мощью, как бы расставляя все по местам: где он, и где я, в своей тогдашней обнищавшей в одночасье России.

Он снова на коне. Он победитель. Он первый.

Илья не очень-то поначалу вдавался в подробности этой бессмысленной конкуренции.

Есть мама. Возник отец... вот и все.

Разобрался в этих тонкостях позже, как и в том, что они имели значение и откладывали отпечаток тоже на его мировосприятие, на восприятие им меня, своей матери, и своего отца.

Илья начал подражать Жаргалу, еще не очень-то дифференцируя, что «хорошо» и что «плохо», но со свойственной ему прозорливостью уже понимая, что жизнь бизнесмена – это восхитительная, хотя и продолжительная пытка.

Но он все-таки будет бизнесменом, потому что он этого хочет.

– Настоящий человек дела – это сознательный человек. Все хотят получать, но не отвечать. А сознание есть ответственность, ответственность за себя и за свое дело. У такого

хозяйина бизнес – это не простое накапливание денег за счет тупого обогащения на спекуляциях, это свое производство, свой труд, своя нестандартная идея, что-то свое, – говорит Жаргал. И он, конечно, прав. – Хитрее надо быть, никому не доверять и надеяться только на себя. Потому что в этом жестоком мире, если не ты, то съедят тебя. Здесь свои правила игры, очень жесткие и динамичные, но если их нарушаешь, то проигрываешь, поэтому нужно быть первым, что значит выигрывать, – в этом Жаргал уверен.

«Ему, конечно, виднее», – думал Илья. – Но у меня будет все по-другому: и целесообразнее, и красивее».

Вот почему вскоре возник Сингапур со своим устройством жизни, как превосходном примере для подражания.

Тяготеющий к красоте и порядку, Илья восхищался Сингапуром и любил его, так как упорядоченное устройство этого города-государства гармонировало с представлениями Ильи о цивилизованном существовании.

И еще: он генетически отличался тем, что не мог строить любую карьеру, пренебрегая нравственностью (философия же легендарного своей решительной твердостью китайца Ли Куан Ю этому не противоречила).

А Илья впитал эту нравственность в себя, что называется, с молоком матери.

Это достоинство, к сожалению, обесцененное напрочь в атмосфере грубого расчета, беспринципности и отсутствия так необходимого глубокого (философского) подхода к лю-

бому начинанию. Обесценено это зачастую сейчас в бизнесе.
«Здесь свои правила игры».

Последние 10 дней своей земной жизни Илья провел в Сингапуре.

Так было угодно распорядиться Проведению.

ЧАСТЬ 2

*– В чем смысл твоей жизни? – Меня спросили. –
Где видишь ты счастье свое, скажи?
(Эдуард Асадов)*

Глава 1

*О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоём.*

*Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно юного лица.*

*И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О, ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски...
(Анна Ахматова)*

Ни одна женщина так и не смогла удержать Илью возле себя, но зато все-таки кто-то теперь говорит, что Илья был и остается для нее Богом, именно так говорит: Богом! Един-

ственной настоящей Любовью ее жизни. Он пролетел, как Комета: ярко, мощно, незабываемо, красиво... мгновенно... Ждёт «она» его возвращения из Сингапура до сих пор... Из его последней в жизни поездки».

«Крутой, успешный человек (а Илья в свои 17 лет мыслил именно такими, модными тогда категориями) – это человек, который никогда не должен надеяться на чью бы то ни было помощь, то есть в принципе – не надеяться. Он не должен ждать ее ни от кого, при том ноя и страдая.

Госпожа Надежда вообще самая коварная и неверная Дамы, порой легкомысленная и забывчивая. У нее характер обманщицы. Вера – та хотя бы ничего не обещает. Верь тупо, и все. И только Любовь – красавица. Она спасает этот мир.

Любовь может оправдать все: и Надежду, и Веру. Это потому что, во-первых, все, что ты делаешь в Любви или с Любовью, ты делаешь сам, по своему желанию, позыву или порыву, и от души. А во-вторых, все, что от Любви – всегда во благо, всегда – счастье.

Счастье – любить свое дело, свою мечту, себя, свою семью, или еще кого-то, блин, счастье – это ни что иное, как работа над собой, и тогда даже Вера и Надежда могут оказывать пусть и непрошеную помощь. В общем, пусть живут. Какое мне до этого дело, ибо, как ни крути, у тебя с тобой всегда только один верный друг – это ты сам.

И, слава богу, у тебя есть ты. Поэтому не ленись, обогащай себя знаниями, исследуй себя, делай хоть что-то, позна-

вай мир, возвращивай силу духа, покоряй себя, и ты покоришь мир... да мало ли дел на этой красивой планете под названием Земля, – Илья тут улыбнулся, вспомнив эти мои слова, – уж, очень это созвучно с ее наставлениями. Мама говорила: «Ииля, (именно так: Ииля) помни: сильнее всех – владеющий собой». Прямо с детского сада так и помню это: «сильнее всех..., сила воли... осознанность...». И еще: слава богу, что со всеми «жизненными трудностями» (их, кстати, не существует по определению мудрых мира сего) тебе суждено справляться тоже самому – это твои – любимые «жизненные трудности».

Да, я понимаю, что такой расклад, конечно, сложнее, нежели тупо ждать или просить, или получать помощь, а потом радоваться халяве, – но ведь зато круче, – продолжал свою мысль Илья, – Нет. Сам. Только сам.

Потому что так и интереснее, и полноценнее, и разнообразнее, и красочней. Так жить лучше, как лучше дышать полной грудью, а не урывками, дышать независимо и свободно, дышать своим чистым «горным» воздухом. Да много еще, почему лучше жить так.

В мире столько всего, и как все успеть: увидеть, осмыслить, сделать...

Знаю: мне дано все. И никто у меня не может отобрать меня: мои внутренние богатства.

Мудрые, блин, на то и мудрецы, что исповедуют суть вещей и явлений, а не внешний блеск и лоск, и ими сказа-

но: «Познавая себя, ты познаешь мир вокруг себя». Значит, трудись сам. Вкалывай на разных поприщах. В противном случае, ты жертва. Вечно ноющая, страдающая, зависимая, а значит просящая помощи, ущербная жертва.

Я не люблю просящих, ноющих и страдающих. Их мир узок и, как минимум, сер.

Я буду покорять себя и этот мир...

Но я ведь всегда помогу (и так было) своему другу, попавшему в беду, тем более, если он меня попросит, а как иначе?

– Это благородные порывы твоей души, и это счастье, что они есть..., – сказала бы она. Мама.

– Но я всегда подаю нищим, убогим, страдающим, ущербным, особенно возле Церквей, – ответил бы я.

– Ты таким образом способствуешь накоплению их большой энергии в атмосфере, которую они сублимируют. Ты поощряешь их лень, косность и физическую, и психическую..., бездельники они, – цинично заметил бы отец. «Бездельники» – его любимое ругательство – и, конечно, пьяницы.

Но, может быть, действительно, у сострадания души есть и свои пределы? – тогда подумал бы я. – Короче, парень, изучай экономику, психологию, языки...», – вот так, или примерно так думал Илья, прилетев в Сингапур, оказавшись один на один с реальностью.

Перед ним открыл свои двери Национальный Университет Сингапура (National University of Singapore). Специальность: «Управление на производстве» («Industrial

management»). Учеба в Сингапуре – это не только возможность увидеть азиатский мир изнутри, но и шанс познакомиться с людьми со всего мира, расширить свой кругозор и найти друзей самых разных национальностей, чтобы еще глубже посмотреть внутрь себя.

– Обучение проводится на английском языке, который является официальным языком у нас в Сингапуре, – сказали Илье при поступлении.

– Ok, there is no problem, – ответил Илья по-английски без акцента.

Жаргал тем временем был погружен в свои неотложные и важные дела, и не очень-то интересовался судьбой сына. Наверное, он полагал, что тот после окончания университета будет трудиться на его предприятиях, и успокоился.

Я была вообще далеко, в холодной, разворванной и разорванной по всем швам России.

Сам.

И в прямом и переносном смысле Илья был предоставлен сам себе в свои только что исполнившиеся 17 лет.

«Не думаю, чтобы в Сингапуре можно было встретить грустного человека. Жизнь здесь беззаботная, и люди часто смеются. Печаль не может пустить корни в такой стране. И не то чтобы местные жители стараются не грустить – просто эмоции такого рода им не свойственны». (Рю Мураками, «Отель «Раффлз»).

Если давать кратчайшее определение Сингапура, то мож-

но сказать так: «История Сингапура: из третьего мира – в первый, благодаря его неизменному премьер-министру Ли Куан Ю, создателю «сингапурского экономического чуда».

Кстати, слово Сингапур произошло от малайского синга (лев), и санскритского рига (город), поэтому символ Сингапура – Мерлайон. Это мифическое существо с головой льва и хвостом рыбы. По легенде, оно защищает от бед остров и его жителей.

А по количеству граждан, тоже кстати, Сингапур чуть больше одного Санкт-Петербурга. Сингапур – единственный в мире мегаполис, построенный с соблюдением всех канонв учения Фен Шуй. И архитектура, и ландшафт города до мелочей согласованы с этим древним трактатом о влиянии потоков энергии на благополучие человека.

Возможно, поэтому Сингапур – одна из самых прекрасных и процветающих стран в мире. А еще это страна без коррупции и плевков на землю, без курения на улицах – это страна всевозможных штрафов, но это может испугать только нерадивых, невоспитанных и некультурных людей, по мнению местных жителей. Такой ее «сделал» великий и непоколебимый Ли Куан Ю. А еще это государство – мечта буквально каждого теплолюбивого жителя Планеты.

Остров находится у экватора, но климат на удивление ровный, хотя и очень влажный: одинаковый и зимой, и летом. Как в сказке!

Сингапур имеет самый высокий уровень жизни в Азии

и занимает третье место в рейтинге самых богатых стран мира. Уровень преступности один из самых низких. Видимо, из-за суровых законов: за торговлю наркотиками, например, полагается смертная казнь через повешение.

Идеальный порядок в государстве иногда называют новой формой цивилизованной диктатуры. Это государство – мировой лидер по количеству проживающих в нем миллионов...

– Сингапур – мой фантастический сон, – говорил Илья.

Конечно, для Ильи эта красивая и упорядоченная страна стала его любимым вторым домом.

И первое, что он сказал, прилетев в Сингапур, спустя 15 лет и за десять дней до своей гибели: «Ну вот, наконец-то я дома». Именно там он «согревал свою душу» (это его слова) и оттачивал мысли, успокаивая ум.

А в Москве его поджидали убийцы, организованные его корыстным, алчным и завистливым «партнером» по бизнесу, когда-то называвшим себя его другом.

Глава 2

«Он нежно положил голову ей на колени, и от этого прикосновения ему сразу же стало лучше... Сколько смущения, сколько печали! Но колени, к которым он прижался щекой, приняли его благосклонно, не оттолкнули. С закрытыми глазами лежал он, прильнув лицом к колену, постепенно ощущая его благородную удлиненную форму. Златоуст радостно и растроганно думал о том, как точно это колено с его благородными юношескими линиями соответствует длинным, красивым, выпуклым ногтям на ее пальцах. Благодарно прижался он к колену...»
(Герман Гессе. «Нарцисс и Златоуст»)

– Нет, Лева, ни хрена не умеешь ты убеждать...

Лева – это новый приятель Ильи по университету – Лев Миrowsкий. Еврей. Русский еврей. Он старше Ильи на несколько лет, но вместе в Сингапуре им было комфортно.

– Учись у моей бабушки, – Илья улыбнулся и на минутку замолчал.

В памяти возникла картинка из раннего детства: Илье было годика три, и по обыкновению бабушка на выходные (да бывало и в будние дни) забирала Илюшеньку к себе. Солнце в окошке – ее Илюшенька, «яблочко садовое» «пряничек

медовый».

Наши дома стояли почти рядом, их разделял лишь небольшой сосновый сквер. Сосны в нем, казалось, километровой высоты, а весной между ними и рукотворными тропинками розовел, расцветая, багульник, заполняя ароматом розово-фиолетовых соцветий все вокруг и радуя роскошью красок взор. Живописные скверы у нас в Сибири, и автор-создатель их – сама Природа!

Бабушка и Илья смотрят по телевизору святое: «Спокойной ночи, малыши». Все хорошо. Выпуск закончился.

– Бабушка, ну скажи, чтоб еще дальше показали мультик, – твердо и серьезно настаивал увлеченный какой-то сказочкой Илья.

– Илюшенька, это все. Ну как же я скажу? Останкино распорядится, а не я, что же я могу поделать? Завтра, Илюшенька, а сейчас уже спят и усталые вон игрушки тоже, – приговаривает бабушка.

– Можешь поделать: иди и позвони в Останкино, да и все. Скажи, чтобы показывали! Это же просто, – и бабушка берет телефон. Для большей убедительности идет «звонить» в Останкино на лестничную площадку. Илья добросовестно ожидает результата «переговоров».

– Илюшенька, миленький, в Останкино сказали, что у них прямо сейчас «трансляция сломалась», но завтра уже все отремонтируют и покажут, – на голубом глазу утверждает бабушка, – пойдем лучше я тебе сказочку покажу.

– А-а, «трансляция сломалась», наверно провод перегрызла эта Фрекен Бок, она детям всегда вредит, – как бы рассудив по-взрослому, миролюбиво замечает наивный, но успокоенный постановкой маленького спектакля от бабушки Илья.

– Ну, конечно, Илюшечка. Как там в нашей песенке поется про зубки, которые нужно чистить перед сном, чтоб они не обижались, а красиво улыбались...: ля-ля-ля, это песенка моя, каждый зубик свой люблю, громко песенку пою... – и что-нибудь в этом роде напевая, они удалялись в ванну. «Вот это просто супер-театр одного актера, которому я, ни как Станиславский, верю до сих пор. У бабушки в запасе много было пьес, а спектакли разыгрывались порой, как сериалы, с продолжением и в лицах. До сих пор верю. Как же я люблю свою бабушку.

И если есть на свете Ангелы-Хранители, то у меня – точно она, моя бабушка. Сколько же убедительных «ролей» сыграла для меня она. Казалось бы, такая строгая и недоступная для всех, пусть и красивая, она властная и бескомпромиссная – моя бабушка. Ей уже тогда было нужно присудить звание «народной» артистки. Ну и что, что зритель всего один, ну и что, что он всегда один и тот же. Но зато, какой. Но зато у нее был свой зритель, безумно ею любимый.

Взаимно, бабушка. Взаимно.

«Вот это, Лева, убедительно», – оставаясь еще под впечатлением своих детских воспоминаний, восклицает Илья.

Между тем друзья продолжают свою прогулку по городу.

– Илюха, смотри какая девочка. Цимес просто!

– По-моему, грудь великовата, да и вообще...

– Грудей, Илья, как и любви, много не бывает. А у сингапурок вообще – редкость... И то сказать: я так и не усну рядом с «костями», потому что только впадешь в сладкую дремоту, а она как повернется, как ими (костями) загремит, все – сон пропал.

– А тебя, Левка, кто в постель-то зовет?

– Меня, Илюха, зовет мое богатое и буйное воображение.

– Не прикальвйся, Лева, девушки здесь хрупкие, но изящные.

– Согласен, есть что-то в этих девочках, какая-то изюминка, азиатский шарм какой-то... Но их таких изящных и хрупких, Илюша, не удивишь романтическим созерцанием звезд, а вот, например, подвеска с дорогим камушком – это то, что надо.

Сингапур – обеспеченная страна, и девушки здесь дорогие, и знаешь, при этом они искренние и честные. И заметь, девушки здесь не курят в присутствии малолетних детей, да и вообще, не курят и не вливают в себя алкоголь в дозах, не совместимых с приличиями, и беспорядочные половые связи не поощряют... и... в результате которых неприкаянные бедные детки появляются, неповинные ни в чем... невинные, как и в случае непорочного зачатия.

Россия, блин.

Илья запомнил.

– А еще еврейки красивые, а главное – умные, – увлеченно продолжает развивать Лева свою любимую тему, – они впитали в себя древнюю, тысячелетиями формировавшуюся мудрость нашего многострадального народа, которая неискоренимой печалью светится в их больших, глубоких, и неопишимо прекрасных очах. Им уже десятки тысяч лет, а они, блин, от этого еще привлекательней. Если когда-нибудь женюсь, то только на еврейке, – заключил благоразумный Лева.

– А я не знаю, пока не запариваюсь. Но только не так, как было у моих родителей: влюбились, женились, родили меня, и разъехались по своим странам.

– Нет, Илюха, рассредотачиваться по миру – это традиционная прерогатива моего народа.

– Ты знаешь, Лева, мои далекие предки тоже нехило прошлись, например, по всей широкой и длинной России, да и Европе: триста лет контролировали ее, дань собирали... Кремль ведь тоже не без монголов воздвигали, как ни странно, да и вообще... «Ты, Рассея моя... Рас... сея... Азиатская сторона!»

– Не Европа, не «Азиопа», – снова заключил Лев, – и все-таки, Илюха, русские девки – самые красивые, – произнес он тоном, каким, наверно, повторяют мантры.

Илья резко бросил в сторону Левы злой, как бы осуждающий взгляд.

– Да ладно, Илья. Ну девушки, девушки. Нам еще из-за баб не хватало поссориться. Русские – это «розовый зефир в белом атласе», пышные блондиночки, одни глаза-аквамарины чего стоят: ну просто загляденье. А еще душа...

– Что? Скучаешь по Родине? – спросил Илья.

– Нет. По девушкам!

– А я думаю, что главное в девушке – неукротимая элегантность. Знаешь, ничего лишнего, только самое лучшее, исполненное изяществом линий. Как и во всем, в общем-то. Это «золотое сечение». Твои древние предки, кстати, Левка, видели в золотом сечении отражение космического порядка, называли его универсальным правилом, отражающим структуру и порядок нашего мироустройства, – заметил эстетичный Илья.

– Мои древние предки, Илья, вообще гениальные люди, они столько всего наваяли и так затуманили головы всему миру: чего стоит, например, один только Иисус Христос! Поэтому, Илюха, можешь пока отдохнуть. Не будь ботаником – это нынче не в тренде. Не прикидывайся паинькой, скажи лучше, как там твоя модель поживает?

Модель – это девушка с красивым лицом типичной азиатки: кончики узких глаз изящно приподняты кверху, а губки и носик небольшие, и когда она улыбается, можно заметить совсем маленькие соблазнительные ямочки на ее щеках.

Сложена великолепно, а ее длинные стройные ноги просто не могут оставаться без мужского внимания.

Она победительница конкурса «Мисс Монголия» – 2001. Подружка Ильи. Училась в Германии. Обворожительный колорит ее азиатской красоты, естественно, вскружил голову юному, но такому уже тогда выделяющемуся из любой массы парней своим обаянием и яркой харизмой Илье.

Сугар (так звали ее, что значит, кстати, Венера) старше его лет на пять. Приезжала Сугар в Сингапур, и они с Ильей замечательно проводили время: весело и беззаботно развлекались, упиваясь молодостью и наслаждаясь безграничными возможностями роскошного города...

– Короче, пойдем лучше в Zouk... – подытожил запарившийся философствовать Лев.

И друзья направились, куда и должны идти в пятницу вечером 19-летние здоровые парни, да еще в Сингапуре, этом феерическом городе всевозможных и немислимых развлечений, ничего не опасаясь, к тому же: страна-то безопасная.

Они отправились в дорогой ночной клуб.

Лева – один из первых старших товарищей-наставников-гуру Ильи, один из гидов по миру взрослой мужской жизни среди привлекательных и таких разнообразных, и таких непостижимых, и таких бесконечно красивых, дурманящих разум и манящих (и даже не манящих, но все равно притягивающих к себе) представительниц прекрасной половины человечества...

Притягивающих потому, что тебе всего 19 лет, и потому, что тебе уже 19 лет!

Лева подоспел вовремя, как говорится, если ученик готов – учитель обязательно тут как тут. Спасибо, Лева.

Илья блистательно вырослел в блистательном во всех смыслах городе Сингапуре. Но все течет, а потом меняется.

Глава 3

*«Земля и Небо – пара,
Луна и Солнце – пара,
Зима и Лето – пара,
Рождение со Смертью – пара».*

(Монгольский поэт. Из книги Тюньдешева Г. А.

*«Великий хан Батый – основатель Российской
государственности»)*

Тем временем в Иркутске кроме меня, бабушки и его одиннадцатилетней младшей сестренки – всех вместе не чаявших в своем Илюшеньке души, Илью ждала еще Верочка.

Впрочем, поди знай, может быть еще кто-нибудь, питая надежды, ждал. Вряд ли сам Илья понимал это хорошенько или об этом день и ночь думал.

И вот опять, как и на каждом шагу при повороте дорог и судеб, мы встречаем эту коварную обманщицу, госпожу надежду.

Верочка – одноклассница Ильи по последнему 11-му классу, который он заканчивал в другой гимназии, в Иркутске.

Верочка – тот самый «розовый зефир в белом атласе» с глазами аквамаринами, о котором грезил (разумеется, речь идет о типическом образе) в далеком Сингапуре Лева.

Влюбленная в Илью, она ждала его возвращения из Мон-

голии преданно и верно, как невеста ждет из какой-нибудь армии солдата-новобранца. И такое ее поведение полностью оправдывало прекрасное имя – Вера, правильно подобранное ее интеллигентными родителями.

Илью любили женщины! Разумеется, Илья был не против.

А разве могло быть иначе, когда каждый, даже мало-мальский адюльтер он умел божественно одухотворить.

Не всякой девушке или потом женщине выпадает подобное счастье, тем более что век женской красоты и привлекательности так недолог. А уж если выпадает, то проносят они это яркое и незабываемое ощущение безусловности чувств своих, а значит истинности, через всю свою судьбу, вольно или невольно сравнивая потом эстетичность этих чувств со всем что приходит в их жизнь позже.

Эти чувства не земные, а небесные (читай: духовные или душевные), потому что любая встреча с Ильей сравнима с полетом в красивый и чарующий, а главное, в его мир.

И полет этот всегда «исполнен душой».

Не стоит жалеть ответных прекрасных порывов своей души. Ибо только от их наличия, их качества и количества зависит наша же, как говорят буддисты, карма – то есть жизнь.

Чтобы это понять, необходимо расширять границы мышления, а потом и духа.

Это труд. Но желание трудиться приходит далеко не ко всем, а жаль...

А Илья, безусловно, гуру и в этом смысле.

Он ценил любую встречу, облагораживая ее своим присутствием, обогащая при этом и себя, получая радость.

А радость от чего получаем мы?

Время пролетает неумолимо быстро. Мгновенно.

И мы начинаем тратить его на бесполезное удержание уходящей молодости, а безусловность чувств улетучивается: тут важнее становится не пропустить очередной поход в косметический салон.

Так, в погоне за внешним благополучием и уходящей красотой, которая с годами превращается в кустарную подделку – проходит порой жизнь. А потом и вовсе: страх потерять навсегда эту красоту и эту самую молодость убивает, например, в женщине женщину, а душа тем временем опустошается.

Где поэзия существования, где самозабвенное и искреннее проявление себя, почему уходит любовь и уходят мужчины...

И вспомнить-то даже нечего. А с собой «туда» мы возьмем только то, что в нас, а не на нас.

А что там? Душа?

«Душа – это такое пустое место в человеке, которое человек может заполнить Богом или сатаной», – говорят.

Но все самое лучшее, как и самое плохое, как и никакое случается только сейчас, в данный момент.

Ценить и смаковать прекрасные моменты – такое получается мало у кого.

А между тем эти изысканные мгновения, собственно, и есть суть существования (существую – значит Я есть суть).

Илья понимал и умел ценить эти прекрасные мгновения. Здесь он был истинный gourmet (человек, разбирающийся в тонкостях). Именно Gourmet, а не банальный гурман.

Илья умел красиво чувствовать, то есть проживать чувства на грани творческой реальности.

Это его качество, эта его изысканная особенность неизбежно притягивала к нему любого человека и, как правило, безвозвратно. Это его душа.

Однако сколько ни говори об этой особенности Ильи – это все слова, слова... Нужно просто побыть с ним одну секунду рядом – и всё сразу понимается: мгновенно ощущается проникновение его внутреннего света в ваше существо – и вы оказываетесь в космосе.

Конечно, вряд ли Илья мог ограничиться семейными идеалами. Хотя справедливости ради можно отметить, что не раз он искренне старался поддержать подобие семейного очага. Но, видимо, не родилась еще та женщина, которая могла бы его удержать при себе ни в 17, ни в 27, ни в 34 года!

Однако остались на земле и живут те женщины, столь мудрые и благоразумные, кто счастлив до сих пор тем, что в их жизни просто ОН был!

И речь уж точно не о тех, которых вопрошал когда-то Есенин: «Что ищу в очах я этих женщин: легкодумных, лживых и пустых...»

Не будем лукавить: таких основная масса. И такие тоже окружали Илью.

Их, бегущих наперегонки, мчащихся в погоне за принцем на белом, как водится, коне, а еще на спине этого коня, видится им: ломятся от избытка сундуки с богатствами, статусом, гламуром... – их таких – легион.

А еще там (в сундуке на спине коня) обязательно наличие медийности, ласкающей тщеславие.

Вот такой принц на именно таком коне с таким именно наполнением сундука на спине – и есть идеал мужчины.

Богатства: золото-бриллианты-наряды-дома-машины-развлечения... а также бесконечное внимание и обожаение ей этот Принц «обязан» преподнести естественным образом, хотя и за неизвестные никому заслуги. Он просто это все должен преподнести. И все.

А потом, что только ни придумает такая охотница (уверенная, что она Богиня-Диана) чтобы оправдать свои страдания и разочарования, оттого что ее не выбрали, не оценили, не обеспечили... и просто «бросили» (оставили и оставили одну и ни с чем), лишив «сундука с богатствами и статусом.» И в этом не ее вина, конечно. Это он козел: Принц!

Впрочем, «бросают» именно таким же естественным образом, как и «преподносят» или «подбирают». «Бросают» именно тех, кто сам «бросается», у кого сознание на уровне: «меня лучше подобрать, чем бросить» и потом «мне обязаны дать...»

Но ведь там, где «дают», в том же месте и «отбирают».

Ибо «бросать» или выбрасывать можно только ненужную вещь или вышедший из строя неодушевленный предмет. У человека же (одушевленного существа любого пола) должен быть прежде всего он сам. Его самого никто и никогда не может бросить, выбросить или оставить, как вещь.

При таком осмыслении волшебным образом исчезает понятие чьей-то вины вообще или вины кого-то другого в твоей ситуации.

И любая создавшаяся жизненная ситуация, и прошлое неумение сдерживать эмоции – это «твоя» заслуга. Порой бывает, что только это и есть твоя заслуга. Увы!

«Все что ищите – в себе найдете!»

А еще мудрые говорят: «Ничего не называй своим кроме своей души».

Ах, если бы на секундочку задуматься...

Возможно, тогда выплыл бы на поверхность ответ на вопрос вины (в смысле, кто виноват?)

Если бы этот сакральный вопрос – кто виноват – возник на секунду, пусть и в пустом мире души такой охотницы, все стало бы сразу очевидным: простым и ясным.

Увы!

Чтобы такой вопрос возник, ведь необходимо мыслить и душу развивать, продвигая ее и обогащая ее истинной сутью и непреходящими ценностями, не ленясь ни днем ни ночью.

Так ли живем?

Но мы продолжаем. Мы продолжаем говорить об Илье, мы следуем за его жизнью.

Илья.

Илья на какое-то время приехал в Иркутск.

Как всегда, одет с иголочки: дорожные джинсы, какой-то нереальный модный пиджак, ботинки от Brioni, темные очки Ray Ban. Он за рулем японского джипа вишневого цвета (Nissan PATROL), из салона которого доносится музыка Jamiroquai и Modjo.

Пристрастие (Илья называл это своим «фетишем») к красивым фирменным вещам, в которых он безупречно разбирался, обладая тонким вкусом и чувством стиля, а также интерес к таким же фирменным машинам – его слабость.

Я не знаю, но думаю, что мысль открыть когда-нибудь свой модный дом, не однажды мелькала в его голове.

Своим приездом он произвел фурор. Наверное, на это и рассчитывал.

Илья был всегда в движении, в стремлении, в развитии, «и жить торопится, и чувствовать спешит...», поэтому заблудиться в дебрях уныния рядом с ним было невозможно, это исключено априори.

И если, бывало, что он «сгорал», то возрождался как Феникс вновь, и если «падал», то потом поднимался еще выше.

Мы ужинали в Интуристе, а потом поехали прогуляться по вечернему Иркутску.

Илья всегда приходил в восторг от магии ярких огней ночного города. Ему нравилась их манящая красота. Именно ночью город становится великолепным, сбрасывая с себя дневную серость и надевая изысканный и сексуальный наряд черного цвета. Так он считал.

Он был урбанист до мозга костей. В салоне автомобиля звучит MOLOKO и Modjo, за окном – весна с дурманящим ароматом сирени, черемухи и грозящих распустить все свое великолепие сибирских яблонь, а главное – с нами наш любимый: такой родной и бесподобный Илья!

Мы шутили, смеялись, пели, радовались встрече и жизни. Не шутить, не смеяться, не радоваться жизни рядом с Илей было невозможно.

До приезда в Иркутск Илья еще успел организовать и обеспечить в Улан-Баторе гастроль одной российской поп-группы, популярной среди молодежи.

«Отпетые мошенники» – питерские ребята, они были в то время на пике своей известности. (Помните: «А у реки», «Люби меня, люби», «Девушки бывают разные», «Бросай курить»...) Илье 19 лет, и это его первый опыт организации широкомасштабных шоу.

Способность, одаренность и талант никуда не испаряются, чем бы человек ни занимался, что бы ни производил, и неважно в какой области жизнедеятельности. Илья продумал все до мелочей и сам провел рекламную кампанию.

Риск был велик. Это ведь не раскрученные Пугачева или

Киркоров, которых, кстати, приглашал в Монголию его отец Жаргал, и этот его вариант, разумеется, был беспроектным.

Здесь же надо было устроить зрелище, заинтересовать новым шоу: ведь у молодого поколения иные вкусы и пристрастия, другая эстетика.

Считается, например, что ребята этой поп-группы первыми в России стали читать рэп под танцевальную музыку. Одним словом, все ново и непривычно пока.

В общем, дело рискованное и, может быть, кто-то даже и не рисковал бы, но только не Илья.

Рекламная кампания удалась на славу, и это было незабываемое зрелище, а также первый опыт, который впоследствии, и много позже, несомненно, ему пригодился.

А влюбленная в Илью Верочка, к тому времени студентка престижного в Иркутске Нархоза, преобразованного в БГУ-ЭП (Байкальский Университет Экономики и Права) внимала каждому слову Ильи, восторженно хлопая длинными ресницами своих аквамариновых по-байкальски бездонных глаз.

Верила Вера ему безоговорочно: ведь он умел все так красиво разложить по полочкам, убедить, вдохновить и сделать это интеллигентно, не задевая чувств девушки (ни одной девушки).

Просто рядом с Ильей всегда создавалось впечатление, что соприкасаешься с чем-то очень важным, особенным,

правильным.

Так или иначе, но Верочка осталась в Иркутске, а Илья уехал в Петербург, спустя два года после Сингапура и Монголии. Его ждали новые открытия, свершения и великие дела.

Он понимал, кажется, всегда, что счастье не бывает вечным, и все романтические влюбленности, а в 20 лет тем более, это просто красивый и настолько же необходимый молодому человеку антураж, необходимый, как воздух, как его фетиш, и не более того.

Чего зря морочить девушке голову: все по-честному должно быть. Правда, все они все равно хотят одного – замуж, непременно замуж и сразу. Замуж за Илью.

Да, в 17 лет он был готов жениться, но точнее будет сказать, что это, были готовы его гормоны.

Какая свадьба? Что за семейная жизнь?

А в 34 он уже понимал, что жениться – это вовсе не главное, а главное – это искренняя, то есть, духовная любовь.

Это когда вместе живешь, а потом вместе стареешь, и это тоже красиво, и это эстетично, что отнюдь не противоречит его «фетишу».

Это потому что не видишь ничего лучше красоты души любимой, потому что нет ничего лучше!

Тогда все морщинки волшебным образом исчезают, полнота, отягощающая фигуру с возрастом, тает, а седина представляется струящимся лунным серебром...

Для такого счастья и необходимо «наполнять» именно душу свою, и уж поверьте, мужчины такую женщину чувствуют безошибочно, таких женщин берегут и любят по-настоящему!

В жизни Ильи возможна была только такая женщина.

Но не случилось, чтобы вот так: душа – к душе... и до самой старости.

Случалось многое, но не это...

Глава 4

*...Везде идут незримые течения,
Они вокруг нас, они в тебе, во мне.
Все в Мире полно скрытого значенья,
Мы на Земле – как бы в чужой стране.*

*Мы говорим. Но мы не понимаем
Всех пропастей людского языка.
Морей мечты, дворцов души не знаем,
Но в нас проходит звездная река.*

*Ты подарил мне свой привет когда-то.
Поэт-отшельник, с кроткою душой.
И ты ушел отсюда без возврата,
Но мир Земли – для Неба не чужой.*

*Ты шествуешь теперь в долинах Бога,
О, дух, приявший светлую печать.
Но так близка воздушная дорога,
Вот вижу взор твой – я с тобой – опять.*
(Константин Бальмонт)

– Илья, может быть, я нарушила какие-нибудь кармические связи, выйдя замуж за монгола, по сути иноземца, иноверца, даже расы у нас разные, – как-то однажды завела я разговор со своим сыном.

– Да ладно, мама, не переживай: жизнь вообще – результат разнообразных переплетений: личностей, семей, обществ,

наций, рас и планет – все течет, все видоизменяется и меняется. Движение – жизнь. И это мой был выбор, если что, – быстро среагировал Илья.

– Ну да, иначе бы тогда не ты, или именно ты не появился бы на свет...

– Ну, уж нет, я бы в любом случае родился. Я ведь, повторю, сам делал свой выбор. Так что, все так как надо, «все не случайно под луной», и это моя карма – сама же говоришь.

Карма – понятие исключительно индивидуальное: у каждого она своя. Мое – это мое. Что ты там все твердишь про душу? Так вот мое – это только моя душа, и она в любом моем облике – со мной всегда, везде и вечно!

Поэтому я бы проявился в любом случае. Потому что я есть, и все. Так что и ты у своей души тоже спроси об этом – о себе. Вот увидишь, она тебе ответит, как надо, – заключил Илья.

– А родители? А любовь? И кто определяет физический и духовный уровень детей?

– По порядку: детей заводят, чтобы кто-то мог продолжить род, жизнь, то есть.

А еще рожают детей, чтобы «отработать свою карму» за их счет в том числе, чтобы дети освободили родителей от «ада» всяческих страданий, привязанностей и невежества... – в благодарность за рождение и детство.

Вот почему благородно почитать старших. «Сын», кстати, чтоб ты знала, переводится с санскрита как «освобождаю-

щий из ада». Кроме того, до 12 лет дети в благодарность берут на себя часть кармы родителей, поэтому задача родителей – дать им счастливое детство – и ВСЕ, – я слушаю, а сама думаю: откуда он все это знает? Ну да... буддизм, Монголия, Сингапур...

И ведь правда, Илья мог так изящно увлечь своею мыслью любого собеседника.

– И нет маленьких или больших, детей или взрослых – душа у всех всегда взрослая. Уважать надо ее с рождения, – продолжал Илья, – ребенка надо выращивать, а не ограничивать пустыми запретами под названием «воспитание». Развивать, а не запрещать. Пусть учится мыслить. И это все зеркально отобразится в старости его родителей. Это некий своего рода итог их земной жизни. Ты же, кажется, педагог, мама? – Илья улыбается.

– Да... Конечно, да, Илья.

– А любовь, мама, вещь вообще редкая. Ее мало кто видел, и мало кто умеет любить. Люди называют любовью все, что в голову взбредет, а главное, они думают, что любовь – это когда «без этого человека жить не можешь». Но это не любовь, а нужда. Любовь – это когда мне с этим человеком еще лучше, хотя мне и так хорошо. Вот тогда жизнь – праздник. Это, я думаю, должна усвоить и Маргарита.

– Не рано? Ведь ей всего 13, и она девочка... – возражаю я.

– Не рано. Она у нас понятливая. Главное, чтобы не было

поздно, – с уверенностью отвечает Илья.

– А если у одного человека при виде другого начинает учащенно биться сердце... – это плохо что ли разве... – никак не могу я уgomониться.

– Это физиология. Детская реакция – «вынь да положь», а в случае отказа – инфантильная обида, потому что отобрали предмет обожания, а потом наступает очередь для неизбежных страданий по этому поводу.

Настоящая любовь никуда не уходит. Главное – сам себя не бросай, развивайся.

– Это все слова, – провоцирую я Илью.

– Нет, психология и воспитание. Все гораздо элементарнее.

Для мужчины важен интересный труд и, конечно, любовь. Причем любовь к женщине на втором месте. У женщин же зачастую все иначе. У нас многие женщины от любви ждут больше, чем она может дать. Вот я, условно говоря, дом еще строю, и у меня, естественно, нет еще обоев на стенах. Но ей, прежде всего и непременно, обои подавай! И уже ты ее не устраиваешь, а не строящийся дом, если нет обоев! Женщины думают, что обои – это самое главное. Образно выражаясь, дерьма в голове много, и это дерьмо управляет поведением. Была «любовь», но «ушла», потому что нет обоев. И ты, козел, виноват!

– Под дерьмом что имеется в виду? «Осердившись на вшей – да и шубу в печь!» что ли? – с пониманием, как

мне кажется, вторю я своему сыну.

– Установки, которые противоречат реальной действительности. Созданный неразвитым умом образ «любимого» или «любимой». А образ – пфф! И нет любви. Все, остается разочарование. А ты не очаровывайся.

– А если просто у нее нет чувств к тебе?

– Нет чувств – тогда и дом не строится! Но зато всегда есть Я у себя. И я работаю... У нее тоже должна быть она сама прежде всего.

– Конечно. Ты развит, и жизнь тогда – увлекательная штука! И ты любишь свое дело, – соглашаюсь я.

– Вроде того. Просто, мама, с детством, в котором каждый из нас находится под опекой взрослого, лучше распрощаться навсегда, и чем раньше, тем лучше, и не ждать, лежа на диване, пока счастье постучится в двери. Ведь не постучится же.

– Илюшенька, ты говоришь, как совсем взрослый мужчина. Но все равно, женщины – они совсем другое дело: для них карьера вторична, – стараюсь защитить я всех женщин сразу. Хотя про себя думаю: что бы со мною стало, если бы я не работала, не училась, а надеялась только на мужа. Какая я была бы? С чем? Но главное: какая и кто.

– Глупости. Люди объединяются по взаимному дополнению. Мужчина и женщина – это только когда речь идет о сексе и участии в деторождении. А когда речь идет о деле, то в деловом плане мужчина и женщина – это одно и то же. У нас же зачастую девушек воспитывают в стиле латентной

проституции. Она ищет мужчину, который бы ее защищал, кормил, жил для нее. А сама она может быть никем. Как это назвать?

Мне обычная проституция кажется в этой парадигме более честной: когда проститутка отработывает технику секса, получает за это деньги и не навязывается мужчине в постоянные спутницы жизни.

Аморально? А разве не аморально жить с человеком, которого ты не любишь или он тебя не любит, а просто социум требует или требуют того корыстные инстинкты в тебе самом. По-моему, это более аморально. Потому что в таком случае человек не свободен: он зависит от своих пороков и страстей.

– Илья! С нами Маргарита. По-моему, жестко.

– А, по-моему, Маргарита все правильно понимает, потому что ей не еще 13, а уже 13 лет, – говорит Илья, не заостряя на этом особого внимания, и продолжая развивать свою мысль дальше, – и если я развиваюсь, а человек вместе со мной расти не хочет, значит, нам не по пути.

– Что делать? И как же вырасти человеку?

– Нужно стать профессионалом экстра-класса. Разобраться в себе: все там – внутри, в твоей голове, в твоей душе – и победы и поражения – там, где твое сознание. Все ответы ищи там.

Бывает, конечно, что от эмоций или чувств «теряешь» голову. Так надо постараться все-таки ее потом «найти»,

и честно разобраться в себе, никого при этом не виня.

И тогда она (голова) даст тебе красноречивые ответы на все твои заблуждения и вопросы. Твои. Вот тогда автоматически станешь полезным другим, ну а главное – себе.

И не трудно тогда будет все разложить по полочкам, чтобы понять свое место в мироздании. Оно только твое, и оно всегда закреплено только за тобой.

И, кстати, никто никогда ни в чем не виноват вместо тебя и за тебя. Твое всегда с тобой: и победы, и поражения.

– Но как же тогда получается, что счастье человека в личностном росте, а люди расти не хотят?

– Да просто все заменяется любовной тяготиной и у мужчин, и у женщин. Или страданиями по этому поводу. А еще, конечно, великую роль играет корысть (разного рода привязанности) и косность мышления при этом вообще затмевает рассудок и суть вещей, тут уж не до роста. По мне, например, так жить откровенно скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.